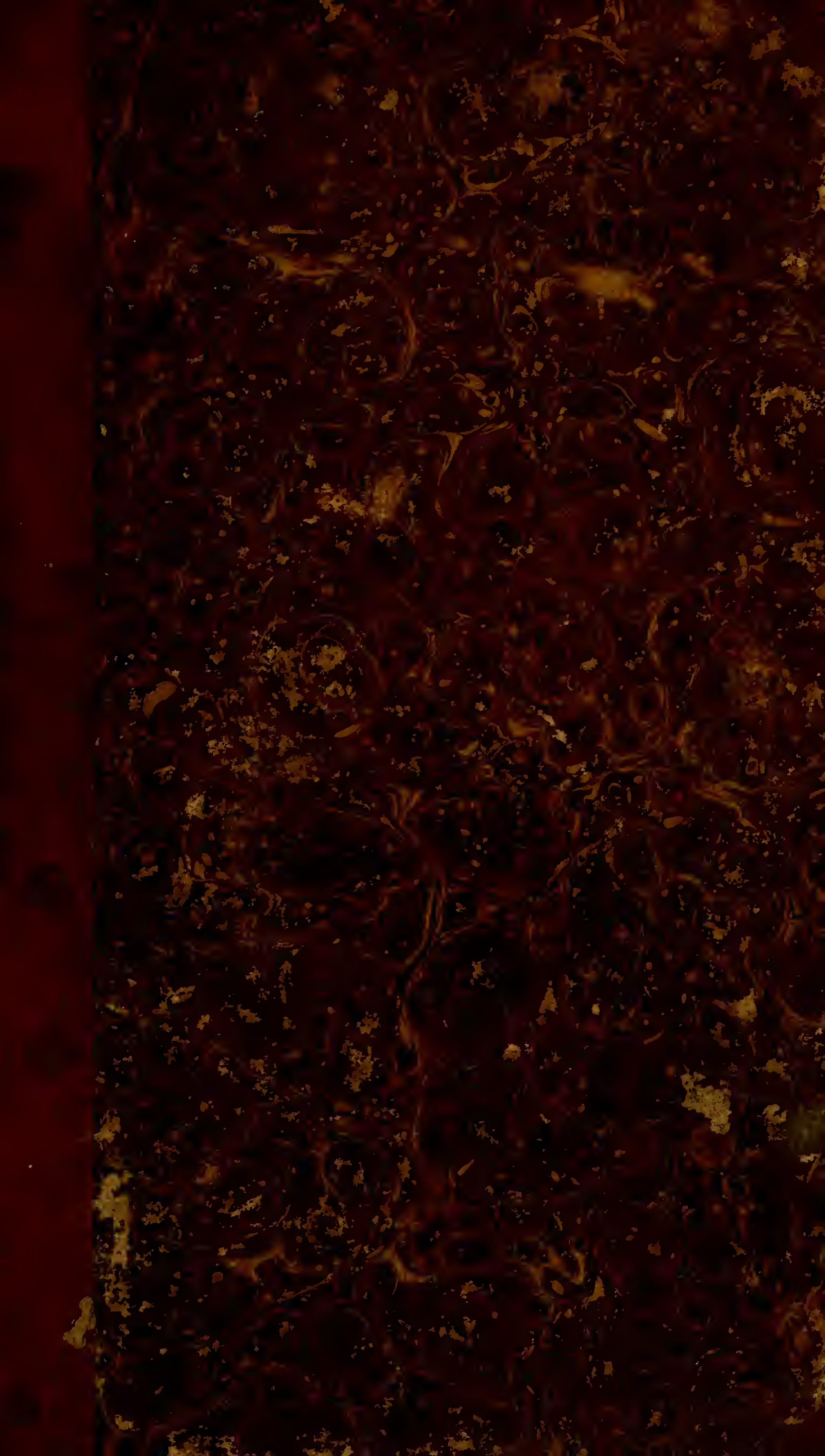

МНЕМОЗИНА,

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,

издаваемая

Кн. В. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра, 1824 года.

У Содержателя А. Похорскаго.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ екземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два екземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. 1824 года Апрѣля 14 дня, книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Михаилъ Каченовскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I.

ПРОЛОГЪ ТРАГЕДІИ СЪ ХОРАМИ:
АРГИВЯНЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Тимофанъ, Полководецъ Коринѳскій.
Тимолеонъ, старшій братъ его.
Сатиросъ, начальникъ конницы.
Протогенъ, жрецъ Нептуна.
Резъ, Поликратъ, — Пританы города Коринѳа.
Аристонъ, Ксантиппъ, — Сотники Коринѳскихъ воиновъ.
Діомедъ, Сотникъ Карійскихъ наемниковъ (*).
Народъ Коринѳскій.
Нѣсколько гражданъ.
Воины Истмійскіе, Карійскіе и составляющіе стражу Акрокоринѳскую.
Глашатаи.
Хоръ, состоящій изъ плѣнныхъ Аргивянъ.

(*) Наемники обыкновенно были въ Греціи изъ Каріянъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Площадь Коринѳская).

Хоръ плѣнныхъ Аргивянъ.

1-й Корифей.

О Аргосъ! Аргосъ! смерть скосила
Прекрасный цвѣтъ твоихъ дѣтей;
Ихъ не оплакалъ гимнъ рыдающихъ друзей;
Ихъ труповъ не взяла могила!

2-й Корифей.

Бѣлѣютъ груды ихъ костей
По нивамъ горестной чужбины;
Я слышу, воетъ сонмъ любезныхъ мнѣ тѣней
Въ уныломъ царствѣ Прозерпины!

1-й Полу-хоръ.

Мы жь не пали въ полѣ битвы!
Въ дымъ развѣялъ гнѣвъ Судьбы
Наши жертвы и молитвы;
Мы презрѣнные рабы!

1-й Корифей.

Страшенъ будетъ часъ свиданья,
Нестерпимъ родимыхъ взоръ;
Намъ и матерей лобзанья
Къ смерти строгій приговоръ!

2-й Полу-хоръ.

Никогда не возвратимся!
Нѣтъ не узримъ ужь луговъ,

Гдѣ мы юноши взрастали,
Гордость радостныхъ отцовъ!

2-й Корифей.

Я зрѣлъ: отверзся Айдесъ молчаливый,
Залаялъ Керберъ у подземныхъ вратъ
И позвалъ насъ Харонъ рукой нетерпѣливой!
Но мощный супостатъ
Изъ длани вышибъ мой булатъ!

1-й Полу-хоръ.

Нынѣ здѣсь въ веселомъ свѣтѣ,
Какъ чужіе мы стоимъ;
Насъ влечетъ къ безмолвной Летѣ:
Хладно мы на жизнь глядимъ!

2-й Полу-хоръ.

Жертвы глухой, неизбѣжной Богини
Мы безъ участья на бури глядимъ;
Мы приближенье предвидимъ Эринній;
Смертные выданы имъ!

Цѣлый хоръ.

Мы, какъ тѣни, здѣсь стоимъ;
Безъ участья мы глядимъ
Жертвы глухой, неизбѣжной Богини
На приближенье незапныхъ Эринній!

ЯВЛЕНІЕ II.

(Народъ сбирается).

ДВА ГРАЖДАНИНА.

1. ГРАЖДАНИНЪ.

Теперь, когда бесѣдую съ тобою,
Уже, — не сомнѣвайся, — рѣшена
Моя судьба, твоя, — судьба Коринѳа!
Ликастъ, съ едва блеснувшею зарею
Вдругъ двигнулись Аргивяне къ Кенхреѣ (*).

ВТОРЫЙ.

Когда меня смѣнили съ третьей стражи,
Съ Акрокоринѳа видѣлъ въ полѣ я
Клубящуюся пыль; казалось, слышалъ
Далекій вопль, далекій стукъ и грохотъ!

ТРЕТІЙ *подходитъ къ нимъ.*

Сосѣди! Тимофанъ, нашъ Полководецъ,
Къ намъ брата съ важной вѣстію прислалъ:
Глашатаи сзываютъ весь народъ.
Взгляните, въ мигъ вся площадь запестрѣлась;
Мы скоро здѣсь услышимъ гласъ героя:
Но намъ и лица плѣнныхъ говорятъ:
Читаю въ взорахъ ихъ побѣду нашу!

ВТОРЫЙ.

И вѣстникъ ужь идетъ. Валитъ за нимъ
Нетерпѣливая толпа. Пританы
Съ возвышеннымъ и радостнымъ челомъ
Ведутъ его къ высокому амвону!

(*) Кенхрея—восточная пристань Коринѳская.

Поликратъ.

Сберите, старцы, граждан въ племена!

Резъ.

Глашатаи! молчаніе повелите:
Тимолеонъ, сынъ Тимодема, роду
Алетова, отъ племени Геракла
Изъ войска Полководцемъ въ градъ нашъ присланъ;
Предсталъ предъ нашу думу и взыскалъ, —
(Мы жь разрѣшить ему благоволили):
„На вечѣ предъ народомъ говорить!"

Глашатаи.

Умолкните, умолкните! — Внемлите!

ЯВЛЕНІЕ III.

Хоръ, Тимолеонъ, Сатиросъ, Протогенъ, Пританы и Народъ.

Тимолеонъ, *съ ораторскаго амвона.*

О вы, любимцы бранной Афродиты,
Коринѳяне! да дастъ она и впредь
Вамъ вольность, силу, счастье, торжество;
А нынѣ Тимофанъ, служитель вашъ
Вамъ возглашаетъ радость и побѣду!

Народъ.

Хвала богамъ, Вождю хвала и слава!

Тимолеонъ.

Я вѣстникъ вамъ разбитья Аргивянъ:
Ихъ полчища разсѣяны; ихъ вождь
Въ водахъ Контопорійскихъ утонулъ (*).
Пять тысячь юношей Аргивскихъ пало;
Пять тысячь, рабство смерти предпочтя,
Намъ отдали щиты въ поляхъ Кенхрейскихъ.
А нынѣ: да войну прокатитъ къ нимъ,
Да въ ихъ землѣ засвѣтитъ бранный пламень
Преслѣдуетъ бѣгущихъ Тимофанъ.
Низверженные въ прахъ насъ ждутъ Микены,
Ждетъ мстителей разрушенный Тиринѳъ (**).
Предѣлы прешагнувъ, повсюду мы
Союзниковъ себѣ въ домахъ ихъ встрѣтимъ.
Коварная война погубитъ Аргосъ:
Коринѳу несъ онъ цѣпи, срамъ и смерть;
Но судъ Кронидовъ праведнымъ защита;
Се насъ ведетъ въ ихъ городъ Афродита!

Народъ.

Вождю хвала! Кумиръ, кумиръ герою!

Тимолеонъ.

Народъ, Пританы! торжество и славу
И смѣлыя надежды вамъ повѣдалъ:
Теперь даруйте благосклонный слухъ
Совѣту, мнѣ внушенному богами!

(*) Контопора, рѣка между Арголидою и Коринѳіею.

(**) Микены и Тиринѳъ были разрушены Аргивянами.

1-й Гражданинъ.

Умолкните! Тимолеонъ вѣщаетъ!

Вторый.

Или не все ужь высказалъ витія?

Третій.

Друзья, умолкните! внемлите, братья!
Драгая вѣтвь любезнаго намъ рода,
Къ тебѣ сердца и слухъ свой преклоняемъ!

Тимолеонъ.

Сограждане! не выше ль мѣры вы
Почтить хотите подвигъ Тимофана?
Я братъ его, въ своей душѣ его
Съ разсвѣта жизни я привыкъ лелѣять;
И радости исполнилась мнѣ грудь,
Когда вокругъ меня, въ восторгѣ шумномъ:
„Кумиръ ему, кумиръ!" — вы восклицали.
Но тотъ предатель, въ комъ родство и дружба
Отчизны голосъ можетъ заглушить! —
Не каждый ли изъ вашихъ ратниковъ
Дѣлилъ съ вождемъ опасность и труды?
И не съ избыткомъ ли тотъ награжденъ,
Кто первый былъ въ спасителяхъ Коринѳа?
Въ Аѳинахъ Мильтіядъ просилъ вѣнка,
Враговъ пресиливъ съ битвѣ Мараѳонской
И былъ ему отвѣтъ: „пусть Мильтіядъ
Рать Персовъ въ бѣгство обратитъ одинъ
И будетъ вознесенъ одинъ предъ всѣми!"

Сихъ мудрыхъ словъ забвенью не предайте,
О Граждане! добычи часть раздайте
Вдовамъ и дѣтямъ падшихъ за Коринѳъ,
Изъ части же на площади алтарь
Воздвигнете Венерѣ - Немезидѣ,
Богинѣ мѣры въ мщеньи и въ любви!

Сатиросъ.

Твои слова, о Тимодемовъ сынъ!
Достойны брата и тебя; — но мнѣ, —
Меня издавна злая клевета
Считаетъ рода вашего врагомъ, —
Мнѣ подобаетъ предъ лицемъ народа
Иное говорить. Хвала богамъ!
Что я не врагъ вашъ, нынѣ докажу.
Мы славный подвигъ славно наградимъ,
Коринѳяне! и долгъ намъ то велитъ
И честь и собственная гордость:
Реку и вы мои слова блюдите!
Не только войскомъ, не Кенхрейской битвой
Мы въ сей войнѣ жестокой спасены:
Единый онъ намъ сохранилъ свободу
На торжищѣ сбираться и судить;
И что понынѣ называть возможемъ
Могущаго вождя своимъ слугою,
Ему единому одолжены! —
Не разъ послы враговъ предъ Тимофана,
Объяты тьмой полуночной являлись;
Не разъ, когда средь дремлющихъ шатровъ

Въ его лишь ставкѣ теплился огонь,
Его Царемъ Кориноскимъ называли.
Отвергнулъ онъ коварный ихъ совѣтъ;
Но съ мудрою заботою сокрылъ
Приходъ ихъ ото всѣхъ, да подозрѣнье
Не прерветъ въ градѣ общей тишины;
Зане доносъ на сильнаго мгновенно
Въ народѣ будитъ зоркую боязнь:
А онъ не обладалъ еще тогда
Душой непостоянной, новой рати!
Владѣетъ ею нынѣ Тимофанъ.
Наемники его боготворятъ.
„Для насъ онъ расточилъ:" гласятъ они, —
„Стяжаніе своихъ отцевъ; для насъ
„Рука его всегда была отверзта!
„Пусть нашей платы намъ не шлетъ Коринѳъ;
„Мы Тимофана должники; ему
„Мы продали свои мечи и души!"
И наши юноши не менѣ любятъ
Младаго, смѣлаго вождя, врага
Смѣшныхъ, старинныхъ, нестерпимыхъ правилъ,
Гонящихъ изъ шатровъ толпу Гетеръ,
Отъемлющихъ у воиновъ пиры
И разводящихъ ихъ вино водою!
При стражевыхъ кострахъ, въ ночныхъ бесѣдахъ,
Въ походахъ я внималъ ихъ разговорамъ.
Коринѳъ! твои сыны тебя забыли:
Не вашей ратью, собственной своей
Владѣетъ нынѣ мудрый Тимофанъ!

Я не виню его, но удивляюсь
Чудесной странныхъ случаевъ игрѣ!

1-й Гражданинъ.

Ты не винишь предателя, Сатиросъ?

Вторый.

Сердца наемниковъ онъ подкупилъ!

Третій.

Онъ презрѣлъ строгіе законы предковъ!

Четвертый.

Онъ нашихъ отчуждилъ отъ насъ дѣтей!

Пятый.

Ярмомъ тиранства угрожаетъ граду!

Шестый.

Но пусть теперь еще и чистъ въ душѣ,
Онъ сталъ опасенъ, — онъ уже злодѣй!

Сатиросъ.

Когда же такъ, Коринояне! не въ слухъ,
Не громко нынѣ ето говорите!
Мы, вѣрьте мнѣ, мы всѣ въ его рукѣ:
Онъ ратнымъ Царь, ихъ идолъ, ихъ отчизна!
И такъ явите преданность ему;
Съ восторгомъ въ срѣтенье ему бѣгите;

Да вступитъ онъ на вашихъ раменахъ
Въ покорный городъ, въ радостный Коринѳъ!....
Или его не медленно казните!
Но поздно можетъ быть; такъ, можетъ быть,
Уже и смерть его не въ вашей волѣ!

Голоса въ народѣ.

Смерть, смерть мятежнику! тирану смерть!

Протогенъ.

Нѣтъ! смерть клеветнику! онъ вѣчно былъ
Противникомъ, злодѣемъ Тимофану!

Голоса въ народѣ.

Не слушайте его! онъ тесть тирану!

Одинъ изъ Гражданъ.

Такъ! тесть ему, но вѣрный другъ народу,
Слуга боговъ, благочестивый старецъ!
А сей всегда тѣснилъ убогихъ гражданъ!

Протогенъ.

Склоните слухъ свой, дѣти Поссейдона!

Народъ.

Тебѣ даруемъ слово, Протогенъ!

Протогенъ.

Сограждане! Сатиросъ клеветникъ:
Его устами зависть говоритъ!

Самихъ я васъ въ свидѣтели зову:
Не Тимофанъ ли вырвалъ у него
На Истмѣ предъ соборомъ всей Эллады
Вѣнокъ, бойцевъ завидную награду?
Не Тимофана ли вы предпочли
При выборѣ вождя въ сей славной брани?
Сопернику Сатиросъ не проститъ!
Мнѣ болѣ смерти мерзостенъ тиранъ,
И будь онъ сынъ мой, умерщвлю его!
Но тотъ захочетъ ли тираномъ быть,
Кто съ дѣтства былъ вашъ счастливый любимецъ?
Кто здѣсь оставилъ вамъ жену и кровныхъ?
Кто брата къ вамъ прислалъ, того, чей мечъ
Не разъ спасалъ его средь грозныхъ сѣчъ?
Сатиросъ жаждетъ казни Тимофана,
Да самъ потомъ захватитъ власть тирана!

САТИРОСЪ.

Напрасно оживляешь, Протогенъ,
Забытую картину нашихъ распрей:
Онѣ могли насъ юношей дѣлить;
Но мужу, но отечества слугѣ
Не болѣ подобаетъ помнить ихъ,
Какъ слезы и забавы дѣтскихъ лѣтъ.
О жрецъ Нептуна, я не клеветникъ!
Имъ посланный сюда съ Тимолеономъ,
(Повѣрь, онъ нашихъ взоровъ убоялся).
Оставилъ позже я Кенхрейскій станъ
И видѣть могъ, затерянный въ толпѣ,
Какъ буйные наемники сбирались,

Какъ золото онъ сыпалъ ратникамъ,
Какъ триста нашихъ юношей клялись
Искоренить святую власть Пританов!
Онъ знаетъ ли ихъ клятву — вы рѣшите!

Протогенъ.

Ты рекъ ужасное; но ты клевещешь!
Друзья, не Тимофанъ ли вѣчно былъ
Безмолвнѣйшимъ рабомъ законовъ вашихъ? —
Другихъ на ету площадь изъ домовъ
Съ зари ихъ выгоняетъ голодъ славы:
Но юный Тимофанъ бѣжалъ честей;
Врагъ шумныхъ распрей, преній всенародныхъ,
Онъ Музамъ посвятить всю жизнь хотѣлъ
И только власть Пританов, власть отца
Извлечь могла его сюда на вече!
Здѣсь сталъ онъ угнѣтенныхъ щитъ и кровъ:
Какъ часто на себя онъ вызывалъ
За васъ гнѣвъ, ненависть и мщенье сильныхъ!
Когда жь въ витіяхъ возсіялъ совѣтомъ,
Онъ тотъ же тихій юноша ходилъ;
На играхъ, на пирахъ, въ Өеатрѣ, въ храмахъ
Повсюду старцамъ мѣсто уступалъ;
За славу раннюю молилъ пощады
Въ народѣ взоръ потупленный его;
Для всѣхъ онъ былъ примѣромъ, но всегда
Внималъ и былъ покоренъ общимъ мнѣньямъ!
Кто жь отъ невинности шагнулъ когда
Безъ промежутка къ адскимъ преступленьямъ?
И кто жь, Коринөяне, узнаетъ здѣсь,

Укажетъ ли кто въ жизни Тимофана
Высоковыйность, дерзость, буйство, спѣсь,
Сихъ спутниковъ грядущаго тирана?

Сатиросъ.

Высоковыйность, спѣсь.... чѣмъ лучше ихъ
Сокрыть умѣлъ, тѣмъ болѣ онъ опасенъ!
При вѣчновозмущаемомъ лицѣ
Я не люблю столь образцовой жизни:
Премудрость въ пылкомъ юношѣ порокъ!

Протогенъ.

Вы слышите: въ запутанныхъ рѣчахъ
Онъ самъ призналъ невинность Тимофана!
Уже назвать не въ силахъ преступленья,
Онъ въ добродѣтеляхъ его стремится
На пагубу ему почерпнуть ядъ!
Послѣднюю, Сатиросъ, отражу
Безсильную, но хитрую стрѣлу!
Чтобъ оправдать — (сколь безпримѣрный случай!)
Народъ, я долженъ друга порицать!
Нѣтъ, братья, не владѣлъ онъ никогда
Сопутницей холоднаго злодѣя,
Премудростью, о коей сей вѣщаетъ!
И Тимофанъ былъ молодъ и его
Не разъ обворожали заблужденья:
Не вы ль его на пѣню осудили,
Когда обхваченъ вдругъ толпой Микенянъ
Онъ съ ними бился, какъ боецъ простой?

Уже грозила намъ вождя утрата,
Ужь гибнулъ опромечивый герой:
Едва его спасла отважность брата.
Еще мои не ослабѣли силы,
Провидцемъ и жрецомъ я въ войскѣ былъ;
Я видѣлъ самъ, какъ конь копьемъ сраженный
Его повергнулъ посреди враговъ:
Всѣхъ насъ смутилъ Аргивянъ крикъ побѣдный!
Но вихремъ вдругъ Тимолеонъ помчался,
Вломился, падшаго прикрылъ щитомъ,
Удары тѣломъ собственнымъ приемлетъ
И торжество ихъ въ бѣгство превратилъ!
Отозванный въ Коринѳъ, я предъ народомъ
Тогда же Тимофана обвинилъ
И гнѣвный въ немъ не пощадилъ роднаго.
Нѣтъ! слабостей его не утаю;
Но заговорщика и въ нихъ, Сатиросъ,
Кромольника и въ нихъ не узнаю!
И что жь, признайся, всѣ его вины?
Или добычею дѣлиться съ войскомъ
Межь Греками возпрещено вождю? (*)
Съ какой поры пугаться мы должны
Пустыхъ рѣчей, бесѣдъ дружины праздной?
Ты смѣешь на свидѣтельство свое
Здѣсь казни требовать того героя,
Кто всѣхъ насъ искупилъ въ равнинѣ боя!
Я подъ защиту всѣхъ даю его!

(*) Дѣло дѣйствительно въ древней Греціи позволенное.

Страшись! здѣсь все возстало на тебя!
Уже ль тебя ступени не смутили,
Когда ты, злобы полнъ, по нимъ всходилъ?
При немъ кто слушалъ бы твои совѣты?
Онъ сколько съ нихъ несчастныхъ заступилъ!
Какъ часто онъ тебя отсѣль громилъ,
Какъ часто расторгалъ твои навѣты!

Одинъ изъ Граждан.

Наслѣдья давняго моихъ отцевъ
Едва здѣсь не лишилъ меня Сатиросъ.
Но Тимофанъ его разстроилъ козни!

Протогенъ.

Тебя, Ликастъ, онъ выкупилъ изъ рабства!
Онъ уплатилъ твои долги, Тимандръ!
А ты, Клеонъ, въ его торгахъ участникъ:
Я сонмомъ окруженъ спасенныхъ имъ!
Друзья, его хотятъ у васъ отнять
Защитника всѣхъ васъ въ войнѣ и въ мирѣ!
Какъ онъ всегда любилъ васъ! кровь свою
Дѣтей для васъ забылъ онъ въ завѣщаньи!
Я помню—ужь труба звала въ походъ,
Мнѣ оное вручая при прощаньи:
„Коринѳу рудниковъ моихъ доходъ!
„Когда пойду,“ — вѣщаетъ: „за народъ,
„Народъ усыновитъ моихъ сиротъ!“
Онъ тутъ въ послѣдній разъ пожалъ мнѣ руку
И веселъ полетѣлъ на смерть и муку:
Мужъ храбрый побѣдилъ; прошла борьба,

Отъ ста смертей его спасла судьба;
Онъ уцѣлѣлъ средь ужасовъ сраженья:
И вы, вы не расторгнете сѣтей
Разставленныхъ рукой ожесточенья?
Отца лишите горестныхъ дѣтей,
Отъ васъ единыхъ ждущихъ охраненья?
Давно уже вельможи васъ тѣснятъ;
Для виду только васъ еще сзываютъ
И здѣсь едва ль не правятъ безъ отвѣта.
За васъ еще боролся Тимофанъ; —
Но выдайте его ихъ хитрой злобѣ:
Кто, кто дерзнетъ еще за васъ возстать?
Коринѳъ, внемли жрецу твоихъ боговъ:
Отъ вѣка проклятъ родъ неблагодарныхъ;
Ихъ запустѣетъ скорбный градъ и мечъ
Дѣтей ихъ посѣчетъ; травою стогны,
Мхомъ обростутъ домовъ ихъ алтари!
О! страшно въ наши дни Кронидъ караетъ
Повинныхъ въ благодѣтельной крови!
Въ Тринакріи (*), въ сокровномъ вамъ народѣ,
Великаго Діона задушилъ
Чудовищный Калиппъ измѣной гражданъ
И казней преисполнилъ цѣлый край;
Бичъ звѣрскихъ пришлецевъ терзаетъ ихъ!
Аполлократъ и Гипаринъ, Низей
И воспрестоленный вновь Діонисій
Разбой и язвы, голодъ и сѣкиры, —

(*) См. Плутарховы жизнеописанія Діона и Тимолеона.

Адъ принесли отверженной странѣ!
Тутъ сладостный весь островъ одичалъ;
Повсюду вѣси стали пустыри;
Нумидецъ, лютый всадникъ, для коней
Богатый кормъ на площадяхъ находитъ;
У самыхъ стѣнъ, въ нѣмыхъ предмѣстьяхъ ловчій
Встрѣчаетъ смѣлыхъ вепрей и оленей;
Глухую область стаи алчныхъ псовъ
Съ конца въ конецъ проходятъ съ томнымъ воемъ;
Костьми засѣялась и смолкла степь;
Тучнѣютъ волкъ и вранъ отъ смрадныхъ труповъ;
Боязненъ одинокій странникъ бродитъ
И душегубецъ на пути стоитъ! —
Такъ строгій Рокъ за праведника мститъ!
Сей извергъ (*указывая на Сатироса.*) гнѣвъ небесъ на васъ низводитъ:
Васъ съ Сиракузами сравнить хотѣлъ!
Позоръ ему и смерть его удѣлъ!

Народъ.

Сатиросъ лжецъ! онъ оскорбилъ Коринѳъ!
Каменьями забросимъ нечестивца! —

Тимолеонъ.

Что ты вѣщаешь, Поссейдоновъ жрецъ?
Какое буйство, други, васъ объяло?
Ужель отъ рабства мы спасли Коринѳъ,
Да самъ Коринѳъ себя повергнетъ въ рабство?—
Свобода гибнетъ въ бѣшенствѣ страстей!—
Пусть здѣсь на судъ предстанетъ Тимофанъ:
Молю боговъ, да явится безвиннымъ!

Но нынѣ кровь Сатироса священна
И каждый власъ главы его сочтенъ:
Надъ нимъ каратель Зевсъ и сѣнь Эгиды;
Не призывайте грозной Немезиды!

Голоса за сценою.

Измѣна! бунтъ! мятежники въ твердынѣ!

Тимолеонъ.

Увы! какое новое волненье?
Се ужасъ глубь души моей проникъ!
Что возвѣщаетъ сей незапный крикъ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Воины Акрокоринѳской стражи.

1-й Воинъ.

О Граждане! предатель Тимофанъ
Въ Акрокоринѳѣ!

2-й Воинъ.

Въ городѣ!

3-й Воинъ.

Онъ здѣсь!

1-й Воинъ.

Изъ дома въ домъ его клевреты рыщутъ!

2-й Воинъ.

Онъ вдругъ на насъ напалъ; вдругъ одолѣлъ!

3-й Воинъ.

За нами онъ, за нами ужасъ мчится!

*

Протогенъ.

О небеса! я защищалъ тирана:
Земля разверзнись — поглоти меня!

Сатиросъ.

Сбылись мои слова: но я клянусь,
Ввѣкъ не мечталъ, что сбудутся такъ скоро!—
Еще его здѣсь нѣтъ!.... Коринѳяне,
Схватите вольности послѣдній мигъ!
Пусть скоситъ казнь сообщниковъ злодѣя.—

1-й Воинъ.

Не насъ, себя губи, когда желаешь:
Измѣнники за нами въ слѣдъ бѣгутъ!

Вторый.

Каріяне вратами завладѣли!

Третій.

Демархъ и Лидій домы расхищаютъ!

Четвертый.

Самъ Тимофанъ съ толпой клятвопреступныхъ,
Достойныхъ казни нашихъ согражданъ
Ужь въ Пританеѣ; онъ летитъ сюда!

Одинъ изъ гражданъ.

Скорѣе, други! наши жены, дѣти
Одни: спасемъ ихъ отъ полковъ наемныхъ!

Голоса за сценою.

Хвала Царю Коринеа, Тимофану!

Вторый гражданинъ.

О страхъ! его Царемъ превозглашаютъ!

Третій.

Да будетъ проклятъ нечестивый извергъ!

Четвертый.

Тирана вижу: онъ грядетъ! взгляните,
Онъ грознымъ лѣсомъ копій окруженъ;
Уйдемъ; укроемся подъ сѣнь Пенатовъ!

Пятый.

Злодѣй сюда идетъ! почто ему
Изъ персей сердца вырвать не могу!

(Граждане большею частью въ безпорядкѣ уходятъ; площадь мало по малу пустѣетъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тимофанъ окруженный молодыми Коринескими воинами и Карійскими наемниками.

Коринескіе юноши.

Да здравствуетъ великій Тимофанъ,
Народъ и вольность! сгибните Приттаны!

Одинъ изъ гражданъ.

Ританов низвергаетъ Тимофанъ:
Пританы податьми насъ бременили!

Каріяне.

Царю Коринѳа многи, многи лѣта!
А намъ — сокровища его враговъ!

Діомедъ.

Привѣтствуйте владыку странъ Истмійскихъ!...
Или дрожите, наглые мѣщане!

Ксантиппъ.

Презрѣнный варваръ, дерзостный пришлецъ,
Ты нашихъ братьевъ смѣешь поносить?

Тимофанъ.

Безумнымъ крикомъ не пугайте гражданъ!—
Сограждане, друзья! куда течете?
Меня ли вашего слугу, сосѣди,
Не узнаете вы? — Услышьте, братья!
Я вашихъ утѣснителей смирилъ:
Да здравствуютъ Коринѳъ, народъ и вольность!

Гражданинъ, *изъ за амвона.*

Умолкни, льстецъ! ты врагъ нашъ, тать, мятежникъ!
Твои клевреты грабятъ насъ, предатель!
Исчезни ты и родъ твой окаянный!

(Убѣгаетъ).

Тимофанъ.

Всѣ полны трепета отсель бѣгутъ!
Всѣ ужасаются меня, какъ звѣря!
Разсѣй же шумный сонмъ ихъ, Діомедъ!

(Діомедъ уходитъ).

Любезный Аристонъ! ты кровный мнѣ,
Ты дорожишь и мною и Коринѳомъ;
Грабежъ иноплеменныхъ прекрати!

(Аристонъ уходитъ).

Но братъ мой гдѣ? Гдѣ тесть мой знаменитый?
Увы! или неистовая чернь....?
(Видя ихъ). Ужели вижу васъ? вы спасены! —
Хвала Богамъ! мнѣ ваша жизнь дороже
И самаго вѣнца, который мнѣ
Сегодня бросила рука Фортуны! —

Протогенъ.

Насъ видишь, лицемѣръ! и здѣсь надъ гробомъ
Зарѣзанной тобой свободы ты
Насъ думаешь коварствомъ уловить,
Насъ ослѣпить лукавыми словами!
О! слишкомъ, слишкомъ долго Протогенъ
Игралищемъ твоимъ, насмѣшкой былъ!
Прости, Сатиросъ! здѣсь я на тебя,
И за него въ жестокомъ ослѣпленьи
Народный гнѣвъ и ярость возбуждалъ:
Но здѣсь же я омою преступленье
Въ крови чудовища — тиранъ, умри!

(Бросается на него съ кинжаломъ).

Тимофанъ, *устраняясь.*

Изъ глазъ моихъ безумца удалите!
Подъ крѣпкой стражею его держите,
Пока его судьбы я не рѣшу! —
А ты, Сатиросъ! солнце при закатѣ
Да узритъ твой исходъ изъ нашихъ стѣнъ! —
Спокоенъ будь; твоей презрѣнной кровью
Своей руки не оскверню! иди!

(Аристонъ возвращается)

Что, Аристонъ, бѣжишь ты бездыханенъ?

Аристонъ.

Самъ укроти ихъ буйство, Полководецъ:
Наемники моимъ словамъ не внемлятъ!
Они гласятъ: „отвѣтствуй Тимофану:
„Ему вѣнецъ *мы* даровали; нынѣ
„Свою награду ищемъ и получимъ!“

Тимофанъ.

Злодѣи! но могу ль ихъ безоружить?
Предамъ казну Пританской думы имъ:
Она ихъ жажду утолитъ, надѣюсь. —

Аристонъ.

Священную казну пришельцамъ алчнымъ?

Тимофанъ.

Ни слова! или отроку тебѣ
Въ своихъ дѣлахъ обязанъ я отчетомъ?

Ксантиппъ.

Не расхищай святыни, Полководецъ!
Мы силой усмиримъ толпу Каріянъ:
Мы не дадимъ родныхъ своихъ въ обиду!

Тимофанъ.

И ты, Ксантиппъ! совѣтую: берегися!
Уже давно упорный духъ твой знаю.

Коринѳскіе юноши.

Намъ онъ грозитъ, а хищниковъ страшится!

Тимофанъ.

Кто ропщетъ здѣсь? въ Акрокоринѳъ идите!
Васъ ненавидитъ чернь; раздоръ погубитъ:
Не съ вами ль власть желаю раздѣлить?

(Большая часть молодыхъ Коринѳянъ уходитъ).

Ужасный день, день распрей и смятеній!
Но се иду и въ градѣ миръ устрою. —
Ты пасмуренъ и тихъ, Тимолеонъ!
Стоишь въ меня вперяешь взоръ горящій!

(Отводитъ его).

При алтарѣ семѣйныхъ нашихъ Ларъ
Готовъ внимать я всѣмъ твоимъ упрекамъ,
Но здѣсь.... яви ты свѣтлое чело!
Тебя я нашей дружбой заклинаю!

Тимолеонъ.

Почто еще на солнце я взираю?
И ты и я изъ подъ мечей въ бою
Почто мы вынесли главу свою?

(Уходятъ оба).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Аристонъ и Ксантиппъ, въ глубинѣ Театра Хоръ.

Аристонъ.

Онъ слишкомъ рано снялъ съ себя личину!

Ксантиппъ.

Ты былъ его любимцемъ Аристонъ:
Меня онъ высше лѣтъ моихъ честилъ;
Онъ васъ обманывалъ; тебя, меня
Властитель новый отвергаетъ нынѣ!

Аристонъ.

О другъ! мы въ страшномъ были заблужденьѣ;
Исчезла насъ прельщавшая мечта:
Пойдемъ,— свое загладимъ преступленье!
Разкаяться не поздно никогда!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хоръ выступаетъ

Цѣлый Хоръ.

Сынъ подъялся на отчизну;
Всталъ и будитъ Евменидъ:
Побѣжденный Аргосъ зритъ,
Падшимъ дѣтямъ тризну!

1-й Полу-хоръ.

Какъ вѣтеръ осенью туманной
Вдругъ обращаетъ свой полётъ;
По влажной области пространной
Бѣжитъ, ярится и ревётъ;
Вдругъ до небесъ подъемлетъ волны;
Вдругъ въ пропасть алчную влечётъ
Незапно схваченные чолны:
Такъ вѣчно движется народъ!

2-й Полу-хоръ.

Но тиранъ унылъ и мраченъ;
Дикій взоръ его горитъ;
Въ немъ нѣтъ сердца; другу, брату,
Всѣмъ онъ гибелью грозитъ!
Всѣхъ отчужденный въ угрюмой боязни,
Онъ вымышляетъ и страхи и казни;
Бездну онъ видитъ и къ безднѣ спѣшитъ!

1-й Корифей.

Зрѣлъ я тирана; душа моя сжалась,
Замеръ глаголъ на поблекшихъ устахъ;

Хладной глава моя мглою объялась:

Сердце сковалъ во мнѣ страхъ!

2-й Корифей.

Но извергъ не избѣгнетъ фурій:

Онѣ вездѣ за нимъ текутъ!

Надъ нимъ въ тиши парятъ, летятъ надъ нимъ среди бури;

Изъ собственной груди вездѣ его зовутъ!

Цѣлый хоръ.

Не въ радость взойдетъ ему страшный посѣвъ,

Не въ радость созрѣетъ ужасная жатва,

Не минетъ преступника вѣчная клятва,

Поглотитъ злодѣя разверстый Эревъ!

Замѣч. Богами покровителями Коринеа были Нептунъ и Венера. Послѣдней поклонялись здѣсь въ томъ образѣ, въ которомъ обыкновенно изображаютъ Минерву и потому-то Тимолеонъ называетъ ее *бранною*, воинственною.

В. Кюхельбекеръ.

II.

О НАПРАВЛЕНІИ НАШЕЙ ПОЭЗІИ, ОСОБЕННО ЛИРИЧЕСКОЙ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

Рѣшаясь говорить о направленіи нашей Поэзіи въ послѣднее десятилѣтіе, предвижу, что угожу очень не многимъ и многихъ противъ себя вооружу. — И я наравнѣ со многими могъ бы восхищаться неимовѣрными успѣхами нашей Словесности. — Но льстецъ всегда презрителенъ. — Какъ сынъ Отечества, поставляю себѣ обязанностію смѣло высказать истину.

Отъ Ломоносова до послѣдняго преобразованія нашей Словесности Жуковскимъ и его послѣдователями у насъ велось почти безъ промежутка поколѣніе Лириковъ, коихъ имена остались стяжаніемъ потомства, коихъ твореніями должна гордиться Россія. Ломоносовъ, Петровъ, Державинъ, Дмитріевъ, спутникъ и другъ Державина — Капнистъ, нѣкоторымъ образомъ Бобровъ, Востоковъ и въ концѣ послѣдняго десятилѣтія — Поэтъ, заслуживающій занять одно изъ первыхъ мѣстъ на Русскомъ Парнассѣ, — Кн. Шихматовъ предводители сего мощнаго племени: они въ наше время

почти не имѣли преемниковъ.—Элегія и Посланіе у насъ вытѣснили Оду. — Разсмотримъ качества сихъ трехъ родовъ и постараемся опредѣлить степень ихъ поэтическаго достоинства. —

Сила, свобода, вдохновеніе необходимыя три условія всякой Поэзіи.—Лирическая Поэзія вообще не иное что, какъ необыкновенное, т. е. сильное, свободное, вдохновенное изложеніе чувствъ самаго Писателя. Изъ сего слѣдуетъ, что она тѣмъ превосходнѣе, чѣмъ болѣе возвышается надъ событіями ежедневными, надъ низкимъ языкомъ черни, незнающей вдохновенія. Всѣмъ требованіямъ, которыя предполагаетъ сіе опредѣленіе, вполнѣ удовлетворяетъ одна *Ода*, а посему безъ сомнѣнія занимаетъ первое мѣсто въ Лирической Поэзіи или, лучше сказать, одна совершенно заслуживаетъ названіе Поэзіи Лирической. Прочіе же роды стихотворческаго изложенія собственныхъ чувствъ — или подчиняютъ оные повѣствованію, какъ-то Гимнъ, а еще болѣе Баллада и слѣдовательно переходятъ въ Поэзію Эпическую: или же ничтожностію самаго предмета налагаютъ на геній оковы, гасятъ огонь его вдохновенія.—Въ послѣднемъ случаѣ ихъ отличаетъ отъ Про-

зы одно только стихосложеніе; ибо прелестью и благозвучіемъ, достоинствами, которыми они по необходимости ограничиваются, наравнѣ съ ними можетъ обладать и краснорѣчіе.—Ода, увлекаясь предметами высокими, передавая вѣкамъ подвиги Героевъ и славу Отечества, воспаряя къ престолу Неизреченнаго и пророчествуя предъ благоговѣющимъ народомъ, паритъ, гремитъ, блещетъ, порабощаетъ слухъ и душу читателя. — Сверьхъ того въ Одѣ Поэтъ безкорыстенъ: онъ не ничтожнымъ событіямъ собственной жизни радуется, не объ нихъ сѣтуетъ; онъ вѣщаетъ правду и судъ Промысла, торжествуетъ о величіи родимаго края, мещетъ перуны въ супостатовъ, блажитъ праведника, клянетъ изверга. —

Въ Элегіи новѣйшей и древней Стихотворецъ говоритъ объ самомъ себѣ, объ *своихъ* скорбяхъ и наслажденіяхъ. Элегія почти никогда не окрыляется, не ликуетъ: она *должна* быть тиха, плавна, обдумана; должна, говорю, ибо кто слишкомъ восторженно радуется собственному счастію —смѣшонъ; печаль же неистовая не есть Поэзія, а бѣшенство. Удѣлъ Элегіи умѣрен-

ность, посредственность. (Гораціева aurea mediocritas *).

> Son enthousiasme paisible
> N'a point ces tragiques fureurs;
> De sa veine feconde et pure
> Coulent avec nombre et mesure
> Des ruisseaux de lait et de miel,
> Et ce pusillanime Jcare
> Trahi par l'aile de Pindare
> Ne retombe jamais du ciel!

Она только тогда занимательна, когда, подобно нищему ей удастся (сколь жалкое предназначеніе!) вымолить, выплакать участіе, или когда свѣжестью, игривою пестротою цвѣтовъ, которыми осыпаетъ предметъ свой, на мигъ приводитъ въ забвеніе ничтожность его. Послѣднему тре-

---

*) Вольтеръ сказалъ, что всѣ роды сочиненій хороши, кромѣ скучнаго:—онъ не сказалъ, что всѣ равно хороши.—Но Буало, верьховный, непреложный, законодатель въ глазахъ толпы Русскихъ и Французскихъ Сен-Моровъ и Ожеровъ, объявилъ:

> Un sonnet sans defaut vaut seul un long poème!

Есть однакоже варвары, въ глазахъ коихъ одна отважность предпринять созданіе Эпопеи взвѣшиваетъ уже всевозможные Сонеты, Тріолеты, Шарады и—можетъ быть, Баллады. Соч.

бованію менѣе или болѣе удовлетворяютъ Элегіи древнихъ и Элегіи Гётевы, названныя имъ Римскими: но наши Греи почти (*) вовсе не искушались въ семъ свѣтломъ, полуденномъ родѣ Поэзіи. —

Посланіе у насъ или та же Элегія, только въ самомъ невыгодномъ для ней облаченіи, или Сатирическая замашка, каковы Сатиры остряковъ прозаической памяти Горація, Буало и Попа, или просто письмо въ стихахъ. — Трудно не скучать, когда Иванъ и Сидоръ напѣваютъ намъ о своихъ несчастіяхъ; еще труднѣе не заснуть, перечитывая, какъ они иногда въ трехъ стахъ трехстопныхъ стихахъ другъ другу разсказываютъ, что, слава Богу! здоровы, и страхъ, какъ жалѣютъ, что такъ давно не видались!—Уже легче, если по крайней мѣрѣ ретивый писецъ, вмѣсто того, чтобъ начать:

(*) Баронъ Дельвигъ написалъ нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ *сколько помню*—можно получить довольно вѣрное понятіе о духѣ Древней Элегіи. Впрочемъ не знаю, отпечатаны онѣ или нѣтъ.

Соч. —

Милостивый Государь,

N. N.

воскликнетъ:

— — — — — чувствительный Пѣвецъ,
Тебѣ (и мнѣ) опредѣленъ безсмертія вѣнецъ!—

а потомъ ограничится объявленіемъ, что читаетъ Дюмарсе, учится азбукѣ и Логикѣ, никогда не пишетъ ни *сѣмо*, ни *овамо* и желаетъ быть яснымъ! — Душѣ легче,— говорю—если онъ въ добавокъ не снабдитъ насъ подробнымъ описаніемъ своей кладовой и Библіотеки и Швабскихъ гусей и Русскихъ утокъ своего пріятеля. —

Теперь спрашивается: выиграли ли мы, промѣнявъ Оду на Элегію и Посланіе? —

Жуковскій первый у насъ сталъ подражать *новѣйшимъ* Нѣмцамъ, преимущественно Шиллеру. Современно ему Батюшковъ взялъ себѣ въ образецъ двухъ Пигмеевъ Французской Словесности—Парни и Мильвуа. Жуковскій и Батюшковъ *на время* стали Корифеями нашихъ Стихотворцевъ и особенно этой школы, которую нынѣ выдаютъ намъ за Романтическую. —

Но что такое Поэзія Романтическая?—

Она родилась въ Провансѣ и воспитала Данта, который далъ ей жизнь, силу и смѣлость, отважно свергъ съ себя иго рабскаго подражанія Римлянамъ, которые сами были единственно подражателями Грековъ и рѣшился бороться съ ними. Въ послѣдствіи въ Европѣ всякую Поэзію свободную, народную стали называть Романтическою. — Существуетъ ли въ семъ смыслѣ Романтическая Поэзія между Нѣмцами?—

Изключая Гёте и то только въ нѣкоторыхъ, немногихъ его твореніяхъ, они всегда и во всякомъ случаѣ были учениками Французовъ, Римлянъ, Грековъ, Англичанъ, наконецъ Италіянцевъ, Испанцевъ.— Что же отголосокъ *ихъ* произведеній? что же наша Романтика?

Не будемъ однако же несправедливы. При совершенномъ невѣденіи древнихъ языковъ, которое отличаетъ къ стыду нашему всѣхъ почти Русскихъ Писателей, имѣющихъ нѣкоторыя дарованія, безъ сомнѣнія знаніе Нѣмецкой Словесности для насъ не безъ пользы. Такъ на пр: вліянію оной обязаны мы, что теперь пишемъ не

одними Александринами и четырехстопными Ямбическими и Хореическими стихами.

Изученіемъ природы, силою, избыткомъ и разнообразіемъ чувствъ, картинъ, языка и мыслей, народностію своихъ твореній великіе Поэты Греціи, Востока и Британіи неизгладимо врѣзали имена свои на скрыжаляхъ безсмертія. — Уже ли смѣемъ надѣяться, что сравнимся съ ними по пути, по которому идемъ теперь? — Переводчиковъ никто, кромѣ нашихъ дюжинныхъ переводчиковъ, не переводитъ.—Подражатель не знаетъ вдохновенія: онъ говоритъ не изъ глубины собственной души, а принуждаетъ себя пересказать чужія понятія и ощущенія.—Сила?—гдѣ найдемъ ее въ бо́льшей части своихъ мутныхъ, ничего не опредѣляющихъ, изнѣженныхъ, безцвѣтныхъ произведеніяхъ?—У насъ все *мечта* и *призракъ*, все *мнится* и *кажется* и *чудится*, все только *будто бы*, *какъ бы*, *нѣчто*, — *что-то*. Богатство и разнообразіе? Прочитавъ любимую Элегію Жуковскаго, Пушкина или Баратынскаго, знаешь всѣ. — Чувствъ у насъ уже давно нѣтъ: чувство унынія поглотило всѣ прочія. — Всѣ мы въ запуски тоскуемъ о своей погибшей мо-

лодости; до безконечности жуемъ и пережевываемъ эту тоску и на перерывъ щеголяемъ своимъ малодушіемъ въ Періодическихъ изданіяхъ (*). Если бы сія грусть не была просто Реторическою фигурою, иной, судя по нашимъ Чайльдамъ - Гарольдамъ, едва вышедшимъ изъ пеленъ, могъ бы подумать, что у насъ на Руси Поэты уже рождаются стариками. — Картины вездѣ однѣ и тѣ же: *луна*, которая — разумѣется — *уныла* и *блѣдна*, скалы и дубравы, гдѣ ихъ

(*) Да не подумаютъ однако же, что не признаю ничего поэтическаго въ семъ сѣтованіи объ утратѣ лучшаго времени жизни человѣческой, юности, сулящей столько наслажденій, ласкающей душу столь сладкими надеждами. — Одно, два стихотворенія, ознаменованныя при томъ печатью вдохновенія, проистекшія отъ сей печали, должны возбудить живое сочувствіе особенно въ юношахъ: — ибо кто, молодой человѣкъ, не вспомнитъ, что при первомъ огорченіи — мысль о ранней кончинѣ, о потерѣ всѣхъ надеждъ представилась его душѣ, утѣшила и умилила его? —

Но что сказать о Словесности, которая *вся* почти основана на сей одной мысли? —

Со[illegible]

никогда не бывало, лѣсъ, за которымъ сто разъ представляютъ заходящее солнце, вечерняя заря; изрѣдка длинныя тѣни и привидѣнія, что-то невидимое, что-то невѣдомое, пошлыя иносказанія, блѣдныя, безвкусныя олицетворенія *Труда, Нѣги, Покоя, Веселія, Печали, Лѣни* писателя и *Скуки* читателя; въ особенности же *туманъ*: туманы надъ водами, туманы надъ боромъ, туманы надъ полями, туманъ въ головѣ сочинителя.

Изъ слова же Русскаго богатаго и мощнаго силятся извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искуственно тощій, приспособленный *для немногихъ* языкъ, un petit jargon de coterie. Безъ пощады изгоняютъ изъ него всѣ рѣченія и обороты Славянскіе и обогащаютъ его *архитравами, колоннами, баронами, траурами*, Германизмами, Галлицизмами и Барбаризмами. Въ самой Прозѣ стараются замѣнить Причастія и Дѣепричастія безконечными Мѣстоименіями и Союзами. — О мысляхъ и говорить нечего. — Печатью народности ознаменованы какіе нибудь 80 стиховъ въ Свѣтланѣ и въ Посланіи къ Воейкову Жуковскаго, нѣкоторыя, мѣлкія

стихотворенія Катенина, два или три мѣста въ Русланѣ и Людмиллѣ Пушкина. —

Свобода, изобрѣтеніе и новость составляютъ главныя преимущества Романтической Поэзіи передъ такъ называемою классическою позднѣйшихъ Европейцовъ. — Родоначальники сей мнимой Классической Поэзіи болѣе Римляне, нежели Греки. Она изобилуетъ Стихотворцами — *не Поэтами*, которые въ Словесности то же что Бѣльцы (*) въ мірѣ Физическомъ. — Во Франціи сіе вялое племя долго господствовало: лучшіе истинные Поэты сей земли; на пр. Расинъ, Корнель, Мольеръ, не смотря на свое внутреннее омерзѣніе, должны были угождать имъ, подчинять себя ихъ условнымъ правиламъ, одѣваться въ ихъ тяжелые кафтаны, носить ихъ огромные парики и не рѣдко жертвовать безобразнымъ идоламъ, которыхъ они называли вкусомъ, Аристотелемъ, природою, поклоняясь подъ сими именами одному жеманству, приличію, посредственности. — Тогда ничтожные расхитители древнихъ сокровищъ

(*) Бѣлецъ или Альбиносъ, бѣлый Негръ. —

частымъ, холоднымъ повтореніемъ умѣли оподлить лучшія изображенія, обороты, украшенія оныхъ: шлемъ и латы Алкидовы подавляли карловъ, не только неумѣющихъ въ нихъ устремляться въ бой и поражать сердца и души, но лишенныхъ подъ ихъ бременемъ жизни, движенія, дыханія. — Не тѣ же ли повторенія наши: *младости* и *радости, унынія* и *сладострастія*, и тѣ безымянные, отжившіе для всего брюзги, которые, — даже у самаго Байрона (Child-Harold), надѣюсь — далеко не стоятъ не только Ахилла Гомерова, ниже Аріостова Роланда, ни Тассова Танкреда, ни славнаго Серванпесова Витязя печальнаго образа, — которые слабы и недорисованы въ Плѣнникѣ и въ Элегіяхъ Пушкина, несносны, смѣшны подъ перомъ его *Переписчиковъ*? — Будемъ благодарны Жуковскому, что онъ освободилъ насъ изъ-подъ ига Французской Словесности и отъ управленія нами по законамъ Ла Гарпова Лицея и Баттёева Курса: но не позволимъ ни ему, ни кому другому, если бы онъ владѣлъ и въ десятеро большимъ передъ нимъ дарованіемъ, наложить на насъ оковы Нѣмецкаго или Англійскаго владычества! —

Всего лучше имѣть Поэзію народную. Но

Расиномъ Франція отъ части обязана Еврепиду и Софоклу?—Человѣкъ съ талантомъ, подвизаясь на пути своихъ великихъ предшественниковъ иногда открываетъ области новыхъ красотъ и вдохновеній, укрывшіяся отъ взоровъ сихъ исполиновъ, его наставниковъ. — И такъ, если уже подражать, не худо знать, кто изъ иностранныхъ Писателей прямо достоинъ подражанія?—Между тѣмъ наши живые Катологи, коихъ *взгляды*, *разборы*, *разсужденія* безпрестанно встрѣчаешь въ Сынѣ Отечества, Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія, Благонамѣренномъ и Вѣстникѣ Европы обыкновенно ставятъ на одну доску: Словесности Греческую и Латинскую, Англійскую и — Нѣмецкую; великаго Гёте и — недозрѣвшаго Шиллера; исполина между исполинами Гомера и — ученика его Виргилія; роскошнаго, громкаго Пиндара и—прозаическаго стихотворителя Горація; достойнаго наслѣдника древнихъ Трагиковъ Расина и — Вольтера, который чуждъ былъ истинной Поэзіи; огромнаго Шекспира и — однообразнаго Байрона! — Было время, когда у насъ слѣпо припадали передъ каждымъ Французомъ, Римляниномъ или Грекомъ, освященныхъ

приговоромъ Ла Гарпова Лицея. Нынѣ благоговѣютъ передъ всякимъ Нѣмцемъ или Англичаниномъ, какъ скоро онъ переведенъ на Французскій языкъ: ибо Французы и по сю пору не перестали быть нашими законодавцами; мы осмѣлились заглядывать въ творенія сосѣдей ихъ единственно потому, что *они* стали читать ихъ.

При основательнѣйшихъ познаніяхъ и большемъ, нежели теперь, трудолюбіи нашихъ Писателей, Россія по самому своему Географическому положенію могла бы присвоить себѣ всѣ сокровища ума Европы и Азіи. — Фердоуси, Гафисъ, Саади, Джами ждутъ Русскихъ читателей. —

Но недовольно — повторяю — присвоить себѣ сокровища иноплеменниковъ: да создастся для славы Россіи Поэзія истинно Русская; да будетъ Святая Русь не только въ гражданскомъ, но и въ нравственномъ мірѣ первою Державою во вселенной! — Вѣра праотцевъ, нравы отечественные, Лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей Словесности. —

Станемъ надѣяться, что наконецъ наши Писатели, изъ коихъ особенно нѣкоторые молодые одарены прямымъ талантомъ, сбросятъ съ себя поносныя цѣпи Нѣмецкія и захотятъ быть Русскими. — Здѣсь особенно имѣю въ виду А. Пушкина, котораго три Поэмы, особенно первая, подаютъ великія надежды. — Я не обинулся смѣло сказать свое мнѣніе на счетъ и его недостатковъ: не смотря на то, увѣренъ, что онъ предпочтетъ оное громкимъ похваламъ Господина Издателя Сѣвернаго Архива.—Публикѣ мало нужды, что я другъ Пушкина: но сія дружба даетъ мнѣ право думать, что онъ равно, какъ и Баратынскій, достойный его товарищь—не усомнятся, что никто въ Россіи болѣе меня не порадуется ихъ успѣхамъ! —

Сеидамъ же, которые непремѣнно вездѣ, гдѣ только могутъ, провозгласятъ меня Зоиломъ и завистникомъ, буду отвѣчать только тогда, когда найду ихъ нападки вредными для драгоцѣнной сердцу моему Отечественной Словесности.—Опроверженія благонамѣренныхъ, просвѣщенныхъ противниковъ приму съ благодарностію; прошу ихъ переслать оныя для по-

мѣщенія въ Мнемозину и напередъ объявляю всѣмъ и каждому, что любимѣйшее свое мнѣніе охотно промѣняю на лучшее. Истина для меня дороже всего на свѣтѣ!—

В. Кюхельбекеръ.

ЭПИГРАММА.

Дамонъ стихи въ печать отдалъ
И Публика зѣвая, догадалась:
Онъ имени не подписалъ—
Чтожъ?—глупость за него *такъ четко* подписалась.

П—ой.

III.

ПРОЩАНІЕ ВОИНА.

Романсъ.

Звучитъ труба; ряды сомкнулись въ строй;
Отчизны гласъ насъ призываетъ къ мести:
Подай мнѣ мечъ нетрепетной рукой!
Я возвращусь со славой съ поля чести!
Когда сойдусь я мечъ на мечъ съ врагомъ,
Ты будешь мнѣ невидимый хранитель;
Любовникъ твой быть долженъ побѣдитель!
Ты быть должна ко славѣ мнѣ вождемъ! —

* * *

Цвѣтами ты усѣй возвратный путь!
Да миртъ и лавръ привѣтствуютъ Героя!
Да склонитъ онъ на трепетную грудь
Главу свою, усталую отъ боя!
Мой щитъ, мой шлемъ повѣсишь ты съ мечемъ!
Пусть освятятъ они твою обитель!
Пусть говорятъ, что я былъ побѣдитель,
Что ты была ко славѣ мнѣ вождемъ!

—

* * *

Но пыль взвилась! подвигнулись полки!
Прости! красы не омрачай слезами!
Сей твердый мечъ, сей даръ твоей руки,
Предвѣстникъ мнѣ побѣды надъ врагами!
Твоя мольба предъ Вышнимъ алтаремъ—
Сопутникъ мой и въ бурѣ битвъ хранитель!
Любовникъ твой быть долженъ побѣдитель;
Ты быть должна ко славѣ мнѣ вождемъ! —

Князь Вяземскій.

IV.

ВИДѢНІЕ.

Огни, сверкая, загорѣли
На легкихъ облакахъ проснувшихся небесъ;
Я слышу тихій зовъ пастушеской свирѣли
И сонъ мой пасмурный исчезъ! —

Но изголовіе омочено слезами,
Но я встревоженъ весь минувшими мечтами;
О! преклоните слухъ на мой разсказъ, друзья:
Быть можетъ, отдохнетъ при васъ душа моя! —

Луга сребрилися луною:
Подъ сѣнію деревъ, надъ свѣтлою рѣкою
Я видѣлъ юную, прелестную чету:
Они прекрасный мигъ ловили на лету;

Они для счастія дышали;
Въ нихъ быстрая кипѣла кровь;
Имъ чашу радости, восторговъ и печали
Несла съ улыбкою Любовь. —

А на скалѣ нагой и дикой
Старикъ угрюмый, блѣдноликой
Стоялъ надъ плещущей водой! —
Во тьмѣ невѣрной и сквозной
За трепетной завѣсой ночи
Его погасшіе угадывалъ я очи
И взоръ холодной и нѣмой; —

Луна весь станъ его сіяньемъ обливала,
И льдяная брада по поясъ упадала.
Съ вершины сумрачной таинственный старикъ
Смотрѣлъ на юношу, на дѣву молодую:
Но страшенъ былъ морозный ликъ,
Онъ весь былъ погруженъ въ дремоту гробовую.—
Такъ—мертвой высоты недвижимый жилецъ
(Его толпѣ на страхъ образовалъ рѣзецъ)
Стоитъ—и, одинокъ, средь ужасовъ молчанья
На ловчаго въ горахъ лѣетъ стужу содроганья;
Съ лица пришельца вдругъ посыплетъ хладный потъ,—
Онъ остановится надъ вѣчнымъ шумомъ водъ,
Онъ взглянетъ:—на него сынъ дикаго искусства
Съ нѣмой скалы гладитъ безъ жизни и безъ чувства (*)!—
Но близилась гроза и воздухъ отягчѣлъ;
Все небо черными одѣлось облаками
И се—раздранный вдругъ кровавыми браздами

(*) Шатобріанъ въ своемъ: Genie du Christrianisme повѣствуетъ, что въ Южной Америкѣ въ Корделіерахъ не рѣдко встрѣчаютъ огромныхъ истукановъ, коихъ сооруженіе природные жители приписываютъ духамъ и какому-то племени великановъ, обитавшихъ въ древности.—

Сводъ звѣздный застоналъ, шатнулся, загремѣлъ!

А онъ, онъ безъ участья

Съ утеса голаго по прежнему смотрѣлъ,

Сквозь бѣшенство стихій, въ даль чернаго ненастья.

Тогда — я съ трепетомъ постигъ его удѣлъ:

Мнѣ страшныя уста ни слова не сказали;

Гроза, рокоча, протекла:

Но мертвая душа душѣ моей рекла

И весь я полонъ былъ боязненной печали! —

СУЕТА СУЕТСТВІЙ.

Отлетающая младость,
Убивающей рукой
Вырываетъ за собой
Все живое: скорбь и радость!

* * *

Мнѣ сказало сердце: „нѣтъ!
Ты для чувствъ не будешь камень!“ —
Но пустѣетъ скоро свѣтъ,
Въ сердцѣ скоро гаснетъ пламень:

* * *

Все проходитъ, стынетъ кровь:
И падетъ туманъ на вѣжды,
И умчатся всѣ надежды,
Слава, счастье и любовь! —

V.

ПИСЬМО XIV.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.

$\frac{27}{15}$ Октября 1820го года дорогою между Герцбергомъ и Грозенгайномъ.

Мы оставили Берлинъ и Пруссію; сообщаю вамъ, друзья, нѣкоторыя объ нихъ воспоминанія. — Вечеромъ въ мою бытность въ Потсдамѣ я отправился полубольной въ Гарнизонную церковь; вхожу въ великолѣпный храмъ, выбитый алымъ бархатомъ: скудное мерцаніе нашихъ свѣчъ раздѣляло царствующій мракъ на огромныя тѣни, между коими изрѣдка лоснились темнобагровыя обои и сіяла потускнѣвшая позолота: молчаніе прерывалось нашими шагами и глухимъ отголоскомъ зданія; когда мы останавливались и умолкали, безмолвіе возрастало и было тяжелѣ и печальнѣе. — Здѣсь похороненъ великій Фридерихъ; а возлѣ него лежитъ въ богатомъ мраморномъ мавзолеѣ отецъ его: смерть помирила ихъ! Самъ онъ въ простомъ гробѣ съ свинцовою обшивкою: онъ даже не хотѣлъ, чтобы бальзамировали его. —

Въ Берлинѣ я между прочимъ посѣтилъ фарфоровую фабрику.—Механическія работы, махины, горны и проч., предметы для многихъ очень занимательные не только не возбуждаютъ во мнѣ любопытства, они для меня отвратительны; посему иногда по природной мнѣ уступчивости бываю въ обществѣ другихъ въ мастерскихъ и фабрикахъ; но нечистота и духота господствующія въ нихъ стѣсняютъ, стукъ оглушаетъ меня, пыль приводитъ въ отчаяніе, а сравненіе ничтожныхъ, но столь тяжелыхъ трудовъ человѣческихъ съ безсмертными усиліями Природы будитъ во мнѣ какое-то смутное негодованіе. — Только тогда чувствую себя счастливымъ, когда могу вырваться и бѣжать подъ защиту высокаго, свободнаго неба; чувствую себя счастливымъ даже подъ завываньемъ бурь и грохотомъ грома: онъ оглушаетъ меня, но своими полными звуками возвышаетъ душу. — Съ любезнымъ для меня семѣйствомъ Шадовыхъ я былъ въ новомъ Берлинскомъ Театрѣ: здѣсь огромный, свѣтлый концертный залъ расширилъ сердце мое: я вдругъ почувствовалъ себя веселѣе. Это одинъ изъ прелестнѣйшихъ заловъ мною видѣнныхъ. — Воскресенье $\frac{22}{10}$ числа я былъ

съ Лаппенбергомъ (*) въ домѣ одного Банкира изъ Гамбурга и слушалъ прелестное: Requiem. Пѣли любители: въ числѣ ихъ поразилъ меня сынъ Банкира Авраама Мендельсона: онъ пріѣхалъ съ отцемъ изъ Парижа и, будучи мальчикомъ 15 лѣтъ, чуднымъ своимъ музыкальнымъ талантомъ успѣлъ уже прославиться. Никогда я не видывалъ столь совершеннаго красавца: его черные локоны въ природной свободѣ упадали до половины спины, шея и грудь бѣлыя, какъ снѣгъ, были открыты; черные, полуденные глаза горѣли и возвѣщали будущаго побѣдителя душъ! Уста небольшія, розовыя казались созданными для поцѣлуевъ: въ его голосѣ вылетало сердце, узнавшее и чувствующее болѣе, нежели обыкновенно знаютъ и чувствуютъ въ его возрастѣ. — Между прочими любителями находился другъ Шиллера Кёрнеръ, отецъ безсмертнаго юноши, героя, Поэта, мученика. —

Мои прогулки съ Лаппенбергомъ въ звѣринцѣ и въ саду замка Бельвю для меня всегда останутся памятными: мы часто разговаривали съ нимъ объ Россіи, объ Россійской Исторіи и объ языкѣ Русскомъ:

(*) Лаппенбергъ, мой пріятель, Посланникъ Ганзейскихъ городовъ при Берлинскомъ дворѣ.

онъ человѣкъ умный, ученый, разсудительный, одаренный вполнѣ трудолюбіемъ своего народа и рвеніемъ расширить область своего знанія.—Нерѣдко, мы ходили до усталости по огромному звѣринцу, нѣсколько уже развѣнчанному рукою осени; воспоминали время минувшее и дивились огромнымъ слѣдамъ и развалинамъ, которыя оно повсюду оставило въ полетѣ своемъ; листья шумѣли подъ ногами нашими или будили тишину незапнымъ паденіемъ. — Мы остонавливались; глядѣли на купы зеленыхъ, синихъ, пунсовыхъ деревъ и почти пугались, когда вдругъ открывали сквозь вѣтви видъ или дорогу тамъ, гдѣ еще вчера все для насъ было завѣшано листьями. — Такъ въ теченіи времени испытатель въ боязливомъ изумленіи иногда усматриваетъ связь и родство между такими предметами міра, которые до того считались совершенно одинъ другому чуждыми. —

ПИСЬМО XV.

ДРЕЗДЕНЪ.

30/18 Октября.

Я здѣсь точно въ странѣ волшебствъ и очарованій. — Весь день бѣгаю, наслаждаюсь и даже не имѣю времени передать бумагѣ свои наслажденія.—Саксонская природа очаровываетъ меня еще и теперь въ глубокую осень.—Представьте себѣ, друзья, чудесный Дрезденскій мостъ черезъ Эльбу, горы лѣсистыя, потомъ туманныя, синія, будто привидѣнія по обѣимъ сторонамъ; у самаго моста величественную Католическую церковь; представьте меня на мосту: гляжу и на силу удерживаюсь, чтобъ не протянуть рукъ къ этимъ очаровательнымъ отдаленностямъ! — Облака плаваютъ въ темно-голубомъ небѣ; озаряются вечернею зарею, отражаются въ водахъ вмѣстѣ съ пышными садами и готическими, живописными строеніями. — Всѣ долины, холмы и скаты усѣяны безчисленнымъ множествомъ селеній, деревень, городовъ: — все здѣсь кипитъ жизнью. — Люди пестрѣютъ въ своихъ разноцвѣтныхъ одѣждахъ.—Вчера

я былъ за городомъ съ нашимъ Докторомъ: народъ толпами валилъ въ общественный садъ, гдѣ Дрезденцы по Воскреснымъ днямъ пьютъ кофе и наслаждаются табакомъ и природою: что шагъ, то новая въ глазахъ моихъ картина! Экипажи, всадники, иностранцы въ богатомъ Англійскомъ, Студенты въ странномъ Германскомъ нарядѣ, Гвардейцы въ красныхъ мундирахъ съ медвѣжьими шапками, нищіе, — словомъ волшебный фонарь! —

ПИСЬМО XVI.

ДРЕЗДЕНЪ.

$\frac{20}{1}$ Октября. / Ноября.

У меня было, какъ вы знаете, письмо въ Берлинъ къ Поэту Тидге, я его отдалъ здѣсь въ Дрезденѣ. Тидге живетъ у почтенной Госпожи Фонъ деръ Реке, сестры Герцогини Курляндской; въ ея домѣ я познакомился еще съ Бёттигеромъ и съ Тикомъ, братомъ ваятеля, главою Германскихъ Романтиковъ. Тидге человѣкъ лѣтъ пятиде-

сяти самой обыкновенной наружности; онъ съ перваго взгляда болѣе похожъ на добраго Нѣмецкаго ремесленника, нежели на Поэта: коротенькій парикъ, изъ подъ котораго выглядываютъ сѣдые, рыжеватые волосы; маленькіе сѣрые глаза; морщинное лице; слабое, больное сложеніе и кривая нога — вотъ оболочка, въ которую завернутъ творецъ Ураніи! Тидге разговариваетъ съ большею живостью; его взоры воспламеняются и, если разсказываетъ что нибудь занимательное, онъ непримѣтнымъ образомъ проливаетъ теплоту въ своего слушателя. — Не рѣдко посреди общаго разговора онъ задумывается и сидитъ занятый своими мечтаніями. — Госпожа Фонъ деръ Реке насъ заставила нѣсколько разъ замѣтить, когда впадалъ онъ въ такое забвеніе. — Обратя на него вниманіе въ подобное мгновеніе, не смущаешь его, если онъ и увидитъ, что на него смотришь; онъ тотчасъ приходитъ въ себя и съ большимъ участіемъ вмѣшивается въ разговоръ общества. — Я много разсказывалъ ему о нашей Словесности: объ Державинѣ, Жуковскомъ и молодомъ творцѣ Руслана и Людмиллы и долженъ былъ перевесть для него нѣсколько стихотвореній Батюшкова

и Пушкина; онъ хочетъ ихъ переложить и помѣстить въ Журналѣ, который въ непродолжительномъ времени будетъ издаваться въ Германіи въ пользу семѣйствъ, пострадавшихъ отъ войны 1813 и 1814 годовъ. — Элиза Фонъ деръ Реке, урожденная Графиня Медемъ, величественная, высокая женщина; она нѣкогда была изъ первыхъ красавицъ въ Европѣ; нынѣ на 65 году своей жизни Элиза еще плѣняетъ своею добротою, своимъ умомъ, своимъ воображеніемъ. — Фонъ деръ Реке была другомъ славнѣйшихъ особъ, обезсмертившихъ послѣдніе годы Екатеринина вѣка: Великая Императрица уважала и любила ее; уважала особенно, потому что ненавидѣла гибельное суевѣріе, которое Калліостро и подобные обманщики начали разпространять уже въ послѣднія два десятилѣтія минувшаго вѣка. — Нынѣ это суевѣріе, не встрѣчая даже между мущинами столь просвѣщенныхъ противниковъ, каковы были въ прошедшемъ столѣтіи великая царь-женщина и умная, смѣлая женщина-авторъ, въ наше время оно быстро разпространяется, воскрешая отъ мертвыхъ старинныя, давно забытыя сказки нашихъ покойныхъ мамушекъ и нянюшекъ, которыя

облекаетъ въ пышныя, Греческія названія единственно для того, чтобы не стыдно было имъ вѣрить. — Всѣ мы смѣемся надъ привидѣніями, домовыми, предсказаніями и волшебниками: но какъ не признать власть бѣлыхъ и черныхъ маговъ, говорящихъ самымъ отборнымъ, сладостнымъ и темнымъ языкомъ о возможности соединяться съ душами отлученными отъ тѣла, о существованіи Элементарныхъ духовъ, о тайныхъ откровеніяхъ и предчувствіяхъ? — За то Господа Каглiостро нашего времени одѣваются въ самое лучшее Англійское сукно, носятъ Брегетовые часы, отъ нихъ пашетъ ароматами; ихъ руки украшены кольцами, а карманы нашими деньгами; они все знаютъ, вездѣ бывали, со всѣми знакомы; наши жены находятъ, что они ловки и любезны, а мы — что они премудры!

Но возвратимся къ женщинѣ, которая сорвала личину съ ихъ предшественника. — Каглiостро въ свою бытность въ Митавѣ успѣлъ воспламенить молодое тогда воображеніе Госпожи Фонъ деръ Реке и сестры ея Герцогини Курляндской. Впрочемъ Элиза не долго могла быть въ заблужденіи; она вскорѣ открыла всю гнус-

ность обманщика и почла своею обязанностію, пожертвовать собственнымъ самолюбіемъ для спасенія другихъ отъ сѣтей подобныхъ извергов: она отпечатала описаніе жизни и дѣяній Графа Каглιостро въ Митавѣ. —

Я никогда не забуду этой почтенной, величавой, кроткой любимицы Музъ: вечеръ дней ея подобенъ тихому прекрасному закату благотворнаго солнца; ее обожаютъ всѣ окружающіе. — Почтенный Бёттигеръ мнѣ про нее сказалъ: „это не женщина; это прекрасное явленіе изъ того міра, которое напоминаетъ все божественное, все высокое.“

Въ кругу, въ которомъ теперь нахожусь, знаютъ, помнятъ и любятъ двухъ нашихъ Писателей: А. С. Шишкова и Н. И. Греча. Шишковъ очаровалъ всѣхъ своею почтенною наружностью; Тидге его иначе не называетъ, какъ прекраснымъ старцемъ: особенно онъ полюбился творцу Ураніи живостью, съ которою принимаетъ всѣ впечатлѣнія. Н. И. Гречъ озадачилъ Тидге и Госпожу Фонъ деръ Реке своимъ природнымъ, смѣлымъ краснорѣчіемъ, не связаннымъ никакими свѣтскими узами.—У Тика

я былъ сегодня поутру; онъ человѣкъ чрезвычайно занимательный и достойный примѣчанія по своему образу мыслей. Съ начала я упомянулъ о сочиненіяхъ покойнаго Новалиса, Тикомъ изданныхъ и жалѣлъ, что Новалисъ при большомъ дарованіи, при необыкновенно пылкомъ воображеніи, не старался быть яснымъ и совершенно утонулъ въ мистическихъ тонкостяхъ. Тикъ спокойно и тихо объявилъ мнѣ, что Новалисъ ясенъ и не счелъ нужнымъ подтвердить то доказательствами. О Виляндѣ Тикъ судитъ строго, но какъ мнѣ кажется, справедливо. „Вилландъ,“ говоритъ онъ, „сластолюбивъ и скрытенъ: онъ съ какимъ-то наслажденіемъ останавливается на неблагопристойныхъ предметахъ. Древніе Писатели распутнѣе Виланда, но выше его въ глазахъ истиннаго Философа, потому что въ самыхъ своихъ заблужденіяхъ смѣлы и величественны и никогда не унижаются до шалости.“ Онъ согласенъ со мною, что въ Виляндѣ болѣе словъ, нежели дѣла. —

Что же касается до его мнѣнія о Клопштокѣ, оно такъ странно, что заслуживаетъ быть замѣчаннымъ: „Клопштокъ,

по словамъ Тика, не есть Христіянинъ, не есть даже Поэтъ нравственный, но скептикъ и потому писатель опасный.“

ПИСЬМО XVII.

22/3 Октября.
Ноября.

Въ прошедшее Воскресенье неожиданная встрѣча обрадовала меня въ Католической церкви. Я наслаждался превосходнымъ пѣніемъ Королевскихъ кастратовъ; обѣдня отошла; вдругъ за мною кто-то вскрикиваетъ, — оглядываюсь: это М... одинъ изъ моихъ милыхъ Петербургскихъ питомцевъ; онъ подводитъ меня къ отцу; мы обнимаемъ другъ друга, радуемся, удивляемся. Я потомъ былъ у нихъ уже нѣсколько разъ и въ ихъ домѣ познакомился съ молодымъ человѣкомъ, котораго полюбилъ съ двухъ первыхъ свиданій: его имя О.... онъ былъ въ военной службѣ, и теперь находится въ Дрезденѣ для своей матери, коей здоровье нѣсколько разстроено. Вы себѣ можете вообразить, друзья мои, какъ часто бываю я у М.... можете вообра-

зить, что мы разговариваемъ только и единственно о Россіи и не можемъ наговориться о ней: теперешнее состояніе нашего Отечества, мѣры, которыя Правительство принимаетъ для удаленія нѣкоторыхъ злоупотребленій, теплая вѣра въ Провидѣніе, сердечное убѣжденіе, что Святая Русь достигнетъ высочайшей степени благоденствія, что Русскій Богъ не вотще даровалъ своему избранному народу его чудныя способности, его языкъ богатѣйшій и сладостнѣйшій между всѣми Европейскими, что Небо предопредѣлило Россіянамъ быть великимъ, благодатнымъ явленіемъ въ нравственномъ мірѣ: вотъ что придаетъ жизнь и теплоту нашимъ бесѣдамъ, заставляющимъ меня иногда совершенно забывать, что я не въ Отечествѣ. Въ постояломъ домѣ: Hôtel de Pologne, гдѣ мы нынѣ живемъ, нашелъ я еще нѣсколько человѣкъ Русскихъ: примѣчательнѣйшій для меня Полковникъ Давыдовъ, братъ Поэта: онъ говорилъ мнѣ про Пушкина, съ которымъ обѣдалъ въ Кіевѣ: я былъ чрезвычайно радъ, что могъ Давыдова познакомить съ Поэмой: *Русланъ* и *Людмила*. —

ПИСЬМО XVIII.

ДРЕЗДЕНЪ.

28 Октября.
9 Ноября.

Я видѣлъ здѣсь чудеса разнаго разбора: двухъ великановъ, восковыхъ чучелъ, морскаго льва благовоспитаннаго, умнаго, который чудо изъ чудесъ, говоритъ Нѣмецкимъ языкомъ, и какъ увѣряютъ, даже нижне-саксонскимъ нарѣчіемъ! Люблю иногда вмѣшиваться въ толпу простаго народа и замѣчать характеръ, движенія, страсти моихъ братій, коихъ отдѣляютъ отъ меня состояніе и предразсудки, но съ коими меня связываетъ человѣчество: ихъ ни гдѣ не увидишь въ большей свободѣ, какъ при зрѣлищахъ; здѣсь занятое ихъ любопытство раскрываетъ въ рѣчахъ нравъ ихъ; они обнаруживаютъ всѣ свои познанія, свои чувства, свой образъ мыслей. — Саксонецъ вообще въ такомъ случаѣ тихъ, молчаливъ, внимателенъ, глубокомысленъ: дѣти и старики, мущины и женщины безмолвствовали съ благоговѣніемъ; они, казалось, въ самомъ дѣлѣ видѣли передъ собою Государей Европы, съ которыми знакомила ихъ быстрымъ,

свистящимъ голосомъ обладательница сихъ каррикатурныхъ изображеній; казалось, хотѣли помочь несчастному Коцебу, котораго при нихъ убивалъ сумасшедшій Зандъ, смотрѣли на Госпожу Сталь и на морскаго льва, на великаншу и на всѣхъ присутствующихъ важно, пристально, спокойно, съ величественною осанкою. —

Къ стати объ рѣдкостяхъ: чтобъ не забыть старика, Доктора Л. . . нашего сосѣда, оригинальнѣйшаго изъ оргиналовъ! Онъ познакомился съ нами въ театрѣ и на другой день звалъ къ себѣ: *битѣ тай!* Это значитъ: пить чай; и увѣрялъ насъ, что очень хорошо говоритъ *по Русски,* потому что когда-то былъ въ *Польшѣ.* — Услужливость и добродушіе, иногда переходящія за предѣлы пристойности и приличія, составляютъ главную черту въ его характерѣ: однажды отозванный внизъ къ А. А. . . и не имѣя какъ-то при себѣ ключа, я просилъ людей Давыдова постеречь мою комнату; это Л. . . услышалъ и вызвался пробыть въ ней до моего возвращенія; я съ начала совѣстился, но онъ меня принудилъ согласиться. Л. . . все знаетъ, вездѣ бывалъ, со всѣми знакомъ; приводитъ

къ вамъ купцевъ и предпріимщиковъ; продаетъ книги и картины; предлагаетъ собственныя услуги, хвалитъ ваши знанія, говоритъ и судитъ о Политикѣ, торговлѣ, Литературѣ, Астрономіи и башмачномъ искусствѣ; ссылается на жену и дочь, какъ на свидѣтелей непреложныхъ, зоветъ васъ въ гости и душитъ своими ласками и учтивостію: словомъ это муха, помогавшая дорожнымъ Крылова и принявшая потомъ по Метампсикозѣ видъ маленькаго, толстаго старичка и Доктора Медицины. —

Вчерашній вечеръ раздѣлилъ я между двумя женщинами, уже не молодыхъ лѣтъ, но до сихъ поръ плѣняющихъ своею любезностію: до семи былъ я у М. А. О....ской; а потомъ у Госпожи Фонъ деръ Реке. О. . . . ская обворожила меня своимъ разговоромъ и безпрестанно напоминала мнѣ нашего Евгенія (*): она выражается совершенно, какъ онъ; употребляетъ почти тѣ же слова, переходитъ съ тою же легкостію отъ предмета къ предмету. — Особенно полюбилъ я ее за ея знаніе Отече-

---

(*) Поэта Баратынскаго.

ственной Словесности: здѣсь въ Дрезденѣ нашелъ я женщину знающую Дмитріева, Крылова, Державина, гораздо лучше, чѣмъ многія изъ нашихъ Петербургскихъ дамъ и дѣвушекъ. —

У Госпожи Фонъ деръ Реке вчера читали новую книгу, въ которой Фоссъ обнаруживаетъ мѣры, употребленныя Графомъ Ф. Леопольдомъ Штольбергомъ, чтобы преклонить къ Католической церкви часть Датскихъ подданныхъ; въ заключеніи Фоссъ оправдывается въ томъ, что пишетъ противу своего бывшаго друга; разсказываетъ исторію ихъ связи, ихъ постепеннаго, взаимнаго охлажденія и наконецъ перехода Штольберга къ Католической церкви. Не смотря на то, что Фоссъ о своемъ несчастномъ другѣ говоритъ иногда въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ, я о Штольбергѣ болѣе жалѣлъ, нежели осуждалъ его. —Вездѣ является въ его исторіи душа прекрасная, только искаженная придворною жизнію и предразсудками знатнаго Дворянства. — Фоссъ напротивъ иногда слишкомъ колокъ и суровъ, и мѣстами достоинъ осужденія, потому что говоритъ о вещахъ, о которыхъ не долженъ бы упо-

иинать, по крайней мѣрѣ изъ благоговѣнія къ ангелу Агнесѣ, къ милой, прелестной первой супругѣ несчастнаго Штольберга: она мирила и соединяла ихъ, когда еще при жизни ея раздраженное соревнованіе и обиженное самолюбіе угрожали расторгнуть союзъ ихъ. — Съ ужасомъ слушалъ я исторію двухъ друзей ставшихъ врагами: забудемъ, друзья мои, всѣ непріятности, которыя когда-нибудь были между нами! будемъ снисходительны къ мнѣніямъ и слабостямъ каждаго изъ насъ и дадимъ слово другъ другу, что станемъ любить нашихъ братій, не спрашивая во всемъ ли ихъ образъ мыслей сходенъ съ нашимъ! —

Кюхельбекеръ.

VI.

ЭЛЕГІЯ.

Мой другъ, я истощилъ безплодное старанье!
Мнѣ звука прежняго въ струнахъ не пробуждать;
Сковало ихъ упорное молчанье
И пламенный восторгъ отвыкъ ихъ потрясать.
Я въ горести нѣмой смотрю на лавръ далекой,
Какъ воинъ раненой на подвиги другихъ.
Соперники мои бѣгутъ къ метѣ высокой. . .
А я одинъ отсталъ отъ нихъ.

Стыжусь бездѣйствія, но дѣйствовать не въ силахъ!
Всѣ мысли, чувства всѣ, любовь сожгла во мнѣ;
Она кипитъ въ горящихъ жилахъ;
Она отъемлетъ сонъ, иль въ безпокойномъ снѣ
Волнуетъ грудь мою желаньемъ безпредметнымъ....
Давно ль я жаждою извѣстности пылалъ?
Давно ли мысли трепеталъ
По смерти лечь подъ камнемъ непримѣтнымъ?...
Алина, я тогда еще на зналъ тебя!
Я не горѣлъ огнемъ неукротимымъ;
Не зналъ блаженства—быть любимымъ
И не слыхалъ о щастьи — жить любя!
Но ты предстала мнѣ — и я простился съ славой,
Я щастливой любви пожертвовалъ молвой
И недѣлимое съ тобой
Безсмертье было бъ мнѣ отравой!...

П.... З.

VII.

ПѢСНЬ СТРАДАЛЬЦА.

Рано ты свѣтило
Утромъ озлатило
Ясный небосклонъ.
Снявъ ночныя тѣни,
Изъ смиренной сѣни
Рано гонишь сонъ!

* * *

Пустъ сводъ неба чистый,
Пустъ и лугъ росистый
Съ влажною тропой;
Тихъ и боръ дремучій,
Паръ одинъ летучій
Бродитъ надъ рѣкой.

* * *

Какъ подъ кровлей хилой,
Здѣсь младенецъ милой,
Беззаботно спитъ,
Окруженъ мечтами,
И сквозь сонъ устами
Призраки манитъ.

* * *

Будь мой другъ спокоенъ,
Будь сей міръ устроенъ
Къ радости твоей!
Мнѣ жь велитъ страданье
Упреждать сіянье
Утреннихъ лучей!

* *
*

Пробудясь со мною,
Рѣзвою толпою
Насѣкомыхъ рой,
На зарѣ кружится,
Жаждя насладиться
Краткою весной.

* *
*

Ихъ живая младость,
Ихъ любовь, ихъ радость
Все — не дольше дня!
Но какъ знать, быть можетъ,
Имъ судьба положитъ
Пережить меня!

А. Мансуровъ.

VIII.

ПРОКЛЯТІЕ.

Проклятъ, кто оскорбитъ Поэта
Богамъ любезную главу!
На грозный судъ его зову!
Онъ будетъ посмѣяньемъ свѣта!
На крыльяхъ гнѣвнаго стиха
Помчится стыдъ его въ потомки! —
И мзда ему ихъ хохотъ громкій
И не искупитъ онъ грѣха!
Напрасно въ мукахъ покаянья
Онъ съ воплемъ ниспадетъ во прахъ;
Пусть призоветъ печаль и страхъ,
Пусть на пѣвца пошлетъ страданья; —
Равно безстрашенъ и жестокъ,
Свой слухъ затворитъ заклинанью,
Предастъ злодѣя поруганью
Священный, пламенный, пророкъ! —
Пройдетъ близъ сумрачнаго гроба—
Пришлецъ поспѣшною ногой
И покиваетъ головой:
Тамъ смрадно истлѣваетъ злоба!
А въ жизни рабъ или тиранъ,
Поэта гнусный оскорбитель,
Нѣтъ, извергъ, не тебѣ былъ данъ
Восторгъ, безсмертья похититель!
Всѣ дни твои тяжелый сонъ!
Ты Музъ и пѣсни ненавидишь:

Ты знаешь роковой законъ
И ужь свое безчестье видишь!
Но бодро радостный пѣвецъ
Чело высокое подъемлетъ,
Беретъ страдальческій вѣнецъ
И мѣсто межъ Боговъ приемлетъ! —

Кюхельбекеръ.

IX.

АФОРИЗМЫ ИЗЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ПО ЧАСТИ СОВРЕМЕННАГО ГЕРМАНСКАГО ЛЮБОМУДРІЯ.

Нѣтъ труда тягостнѣе и безполезнѣе упражненія въ однихъ опытныхъ знаніяхъ, безъ всякаго высшаго на нихъ воззрѣнія.— Отъ сего обыкновенно бываетъ, что люди съ отличными дарованіями, предаваясь всѣмъ возможнымъ наукамъ, стремясь по всѣмъ направленіямъ безъ порядка, безъ опредѣленныхъ, изъ безусловныхъ началъ выведенныхъ законовъ, — ни въ чемъ не проникаютъ до самаго зерна, могущаго служить корнемъ многостороннему и безконечному образованію. — Еще счастливы,

когда после всѣхъ тщетныхъ покушеній убѣдятся, что на многое тратили время напрасно, а пренебрегали существеннымъ. Отъ сего-то не рѣдко и бываетъ, что юноши съ душею пламенною, способною къ умствованіямъ возвышеннымъ, пораженные замѣшательствомъ и явными противорѣчіями, существующими въ опытномъ образѣ преподаванія, начинаютъ довѣрять недостойнымъ, имѣющимъ о наукахъ понятія низкія, питающимъ непримиримую ненависть къ образованности.

Цѣль науки — сама наука — нѣтъ для нее другой внѣшней цѣли. — Но обыкновенно случается, что при опредѣленномъ занятіи какою-либо особенною наукою, забываютъ всеобщее образованіе, при стремленіи сдѣлаться законоискусникомъ, врачемъ или воиномъ—оставляютъ высшее назначеніе ученности: *облагородствованіе, возвышеніе духа наукою.* Таковые почитаютъ науки средствомъ, а поступки—цѣлію, и имѣютъ о первыхъ только то понятіе, которое получили изъ ежедневныхъ дѣлъ и побужденій. По ихъ мнѣнію знанія потому только и хороши, что могутъ служить

средствомъ для нѣкоторыхъ дѣйствій: Философія научаетъ ихъ исполнять въ жизни свои обязанности, потому имъ только и нужна Философія. Они производятъ ее не изъ свободной необходимости духа, но подчиняютъ понятію, данному имъ наукою. — У нихъ вообще наука служитъ къ тому только, чтобъ поле было засѣяно, — ремесла усовершенствовались, или чтобъ чтобъ поправить свои испорченные соки. Математика, по мнѣнію ихъ, — прекрасная наука, не потому, что она есть чистѣйшая очевидность, вещественное отраженіе самаго разума, но потому, что учитъ измѣрять поле и строить домы, или наконецъ способствуетъ морской торговлѣ, — уменьшаетъ же ея цѣну, по мнѣнію ихъ, то, что она полезна и для войны, а война противна общему человѣколюбію. Философія часто служитъ для послѣдняго—т. е. помогаетъ вести войну противу зараженныхъ головъ, противъ защитниковъ низкаго своекорыстія въ наукѣ — и потому-то по ихъ мнѣнію достойна отверженія.

Надежнѣйшимъ средствомъ противъ односторонности образованія—можетъ слу-

жить изученіе наукъ, болѣе общихъ: Математика возноситъ духъ къ чистымъ, умственнымъ познаніямъ, отдѣльнымъ отъ матеріи. Любомудріе, объемлющее цѣлаго человѣка, касающееся всѣхъ сторонъ природы его — еще болѣе можетъ освободить духъ отъ ограниченности односторонняго образованія и возвысить его въ область всеобщаго, независимаго.

Изученію какой-нибудь *особенной* части должно предшествовать познаніе *всеобщаго* чертежа наукъ. Посвящающій себя на изученіе какой-либо Отдѣльной науки должень знать мѣсто ея въ Цѣломъ, духъ ее отличающій, долженъ знать, какимъ образомъ сія наука, будучи Особенною, Частною, сливается съ гармоническимъ зданіемъ Цѣлаго, знать самое построеніе сего Цѣлаго, знать способъ, какъ приняться за сію отдѣльную науку, дабы заниматься ею не рабски, но свободно — обнять оную въ духѣ Цѣлаго.

Отсюда ясно, что истинное ученіе можетъ произойти только отъ дѣйствительнаго и точнаго познанія живой связи всѣхъ

наукъ, что безъ сего всякое наставленіе мертво, бездушно, односторонно и ограниченно.

Таковое познаніе никогда можетъ быть столько не было нужно, какъ въ настоящее время, когда и въ наукахъ и въ искусствахъ все, кажется, быстрѣе стремится къ единству, когда въ область его включается самое отдаленное, когда всякое потрясеніе въ его средоточіи, или около онаго, скоро и какъ бы непосредственно переходитъ во всѣ части и образуетъ новый органъ созерцанія болѣе общій и почти для всѣхъ предметовъ. — Такія времена пройдутъ ли не породивъ новаго свѣта? не принимающіе дѣятельнаго въ ономъ участія, въ ничтожествѣ погребутся. Особенно лишь свѣжимъ, неиспорченнымъ силамъ юнаго міра поручено быть можетъ охраненіе и образованіе столь высокаго дѣла. — Никто не можетъ быть исключеннымъ отъ содѣйствія, ибо всякая отрасль требуетъ совершеннаго возрожденія. —Дабы начать съ успѣхомъ — потребно, чтобы каждый, проникнутый духомъ Цѣлаго, взиралъ на свою науку, какъ на членъ органическій, и зналъ бы назначеніе онаго въ

образующемся мірѣ.—Сего достигать каждый долженъ въ то время, когда еще не закоренѣлъ въ застарѣлыхъ формахъ, и когда отъ продолжительнаго вліянія безразсудства другихъ или собственнаго своего не погасли въ немъ искры божественныя — слѣдовательно въ ранней юности.

Отъ кого же должно требовать сего познанія, на кого положиться въ семъ отношеніи?—Болѣе всего на самаго себя и на добраго Генія, коего руководство не обманчиво; далѣе на тѣхъ, кои по своей Особенной, Частной наукѣ ощущаютъ потребность въ высшихъ и всеобщихъ свѣденіяхъ о Цѣломъ въ наукахъ. Кто самъ не постигаетъ общей Идеи оныхъ, тотъ безъ сомнѣнія не можетъ возбудить ее въ другихъ: кто посвящаетъ свое трудолюбіе, впрочемъ достойное уваженія, какой-нибудь подчиненной, ограниченной части, тотъ никогда не возвысится къ созерцанію органическаго Цѣлаго.—Таковое созерцаніе какъ въ *Общемъ* можетъ произойти только отъ науки наукъ—отъ *Любомудрія*, такъ и въ *Частномъ* принадлежитъ одному любомудру, коего Особенная, Частная наука, есть безусловно всеобщая и коего всѣ

стремленія обращены на всеобщность познанія.

~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~

Но что есть сія Идея наукъ? что есть сіе единое безусловное знаніе, которое раздѣляясь на вѣтьви по различнымъ степенямъ проявляющагося идеальнаго міра, образуетъ неизмѣримое древо познанія? — Какъ знаніе всякаго знанія — оно должно удовлетворять всѣмъ возможнымъ случаямъ безъ всякаго исключенія (*). Сего представить себѣ не льзя безъ высшаго предположенія, что истинно *Отвлеченное* (Идеальное) безъ всякаго другаго посредства есть истинно *Вещественное* (Реальное) и внѣ онаго нѣтъ другой вещественности. —

Сіе тождество Вещественнаго съ Отвлеченнымъ—какъ бы по инстинкту—служитъ всегда основаніемъ тому, что въ различныхъ наукахъ обыкновенно говорится

(*) Вотъ почему системы, подверженныя исключеніямъ, какъ пустыя предположенія, догадки— въ области наукъ не должны имѣть мѣста. Таковы всѣ опытныя системы. — См. Мн. Ч. стр. 63.
~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~

объ общихъ законахъ вещей или Природы.— Всѣ хотятъ, чтобы непонятное въ Частныхъ явленіяхъ — имѣло ясность, очевидность Общаго умственнаго воззрѣнія; допускаютъ тождество Отвлеченнаго съ Вещественнымъ въ ограниченныхъ сферахъ знанія, для какого-либо Особеннаго случая: но возможно ли сіе допустить, не допуская онаго тождества въ Общей сферѣ знанія и для *всѣхъ* случаевъ?

Такъ Геометръ основываетъ свою науку на семъ единствѣ Вещественнаго съ Отвлеченнымъ, ибо, доказывая напр. что во всякомъ тріугольникѣ сумма трехъ угловъ равняется двумъ прямымъ, — онъ беретъ свои доказательства не отъ сравненія съ какими-либо именно тріугольниками, — но отъ *Идеала*, Отвлеченія (опредѣленія); онъ знаетъ сіе изъ самаго знанія, которое совершенно отвлеченно, и потому совершенно вещественно.

Въ Математикѣ тождество Отвлеченнаго съ Вещественнымъ весьма очевидно: на пр. въ Идеѣ тріугольника, или иначе въ опредѣленіи онаго заключаются всѣ тріугольники, безъ означенія однако же именно какого-либо Конечнаго, частнаго тріуголь-

ника. Для осуществленія Идеи тріугольника, она необходимо должна отразиться въ опредѣленномъ, *частномъ*, въ какомъ-либо равнобедренномъ или равностороннемъ тріугольникѣ: однимъ словомъ должна разрознипься въ многоразличіе, проявиться въ Конечности. — На оборотъ всѣ особенные тріугольники, вмѣстѣ взятые, совершенно равны своему опредѣленію, иначе *отвлеченному* тріугольнику; распространимъ сіе предложеніе и тогда получимъ: Вещественное равно Отвлеченному; Вещественное есть то же Отвлеченное, но только разрозненное, сдѣлавшееся Конечнымъ; всѣ Конечные равны высшему Идеалу. Вещественное и Отвлеченное одно и то же, только въ двойственной формѣ. Отвлеченное есть то же Вещественное, только заключенное въ формѣ безпредѣльной, вѣчной, цѣлостной; Вещественное есть то же Отвлеченное, только подъ формою частною, многоразличною. Въ обѣихъ — безконечность: въ Вещественномъ безпредѣльность особенныхъ формъ; въ Отвлеченномъ— одна безпредѣльная форма; здѣсь — вѣчность, тамъ — безконечность.

Идея сего совершеннаго единства Отвлеченнаго съ Вещественнымъ—есть *Абсолютъ*. Сія идея отразилась и въ насъ — и наше знаніе въ цѣлости своей должно быть ея отпечаткомъ.

Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ не о частныхъ наукахъ, уже уклонившихся отъ общей цѣлости, отъ своего Идеала; но всякое частное знаніе, всякая отдѣльная наука — заключается въ ономъ, какъ органическій членъ, и потому всякое знаніе недѣйствительно, ничтожно, если начала своего не ведетъ отъ первоначальной идеи всѣхъ знаній.

Въ сей точки зрѣнія должно созерцать всякую отдѣльную науку — дабы оную обнимать съ тѣмъ высшимъ вдохновеніемъ, которое называютъ Геніемъ ученности. Всякая мысль не въ духѣ сего высочайшаго единства сама по себѣ пуста и должна быть отвергнута. То, что гармонически не можетъ принадлежать — къ сему дѣятельному, живому Цѣлому, то есть только мертвый наростъ, который по законамъ организма рано или поздно истребится; въ самомъ дѣлѣ въ царствѣ Наукъ довольно трутней, кои, не имѣя способности творить, лишь производятъ

внѣшніе наросты и стараются болѣе и болѣе распространять отпечатки своего бездушія.

~~~~~~~~~~~~~~~~~~~

История Философіи повѣствуетъ намъ о Пиѳагорѣ, что онъ до него существовавшее названіе науки *σοφία* — мудрость замѣнилъ словомъ *φιλοσοφία* — любовь къ мудрости, ибо единъ Богъ премудръ. — Какова бы ни была истина сего историческаго сказанія, но самое измѣненіе сего имени не показываетъ ли, что всякое знаніе есть пріобщеніе тому первоначальному *Знанію*, коего — отраженіе есть видимая вселенная и коего источникъ — начало вѣчнаго могущества? — На томъ же основаніи, что Знаніе едино и всякая часть онаго, составляетъ его органическій членъ, всѣ науки и роды знанія суть части Единаго Любомудрія, иначе стремленія къ первоначальному *Знанію*, къ Всесовершенному (*).

(*) Съ сей стороны должно разсматривать просвѣщеніе, а не вести его необходимость отъ мѣлкихъ вещественныхъ пользъ; утверждаяся на той зыбкой основѣ, что науки должны
~~~~~~~~~~~~~~~~~~~

Но все, что непосредственно происходитъ изъ безусловнаго, совершеннаго, — есть само безусловно, совершенно, и не имѣетъ цѣли внѣ себя, но само себѣ есть цѣль. Знаніе въ своей цѣлости — есть безусловное отраженіе вселенной, а бытіе, Природа — его второе проявленіе. — Въ области Вещественнаго владычествуетъ Конечность, въ области Отвлеченнаго — Безконечность. Первое зависитъ отъ необходимости, второе отъ свободы. Человѣкъ, какъ существо разумное опредѣленъ быть дополненіемъ міроявленія, изъ его дѣятельности развивается дополненіе къ цѣлости проявленія Всесовершеннаго, ибо, хотя Природа и отражаетъ его, но лишь вещественно, существо же разумное — отражаетъ самую сущность Абсолюта, слѣдственно — отвлеченно.

(Продолженіе будетъ).

Одеск.

имѣть единою цѣлію — удовлетвореніе мірскимъ нуждамъ, трудно защитить образованность отъ обвиненія во вредѣ будто бы ею производимомъ.

Од.

X.

ВЕЧЕРЪ.

Я люблю вечерній пиръ,

Гдѣ веселье засѣдатель,

А свобода, мой кумиръ,

За столомъ законодатель;

Гдѣ до утра слово: „пей!“ —

Заглушаетъ крики пѣсенъ,

Гдѣ просторенъ кругъ гостей,

Но кружокъ бутылокъ тѣсенъ! —

А. Пушкинъ.

XI.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ТРАГЕДІИ: МАРІЯ СТУАРТЪ.

(Бурлей *въ предыдущемъ явленіи убѣждалъ* Елисавету *подписать смертный приговоръ* Маріи: *Королева колебалась.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бурлей, Елисавета, Мельвиль и Лейчестеръ.

Мельвиль.

. . . . . Что я зрю и что предпринимаешь?

Бурлей.

Препятство новое!

Мельвиль.

Страхъ не напрасенъ мой!

Елисавета.

Мельвиль! всѣ требуютъ....

Мельвиль.

Кто властенъ надъ тобой?

Елисавета.

Хотятъ, чтобъ приговоръ я утвердить рѣшилась!

Мельвиль.

Уже ль покорствовать рабамъ ты согласилась?
Но ты въ смятеніи, но ты оскорблена,
Ты помнишь тотъ ударъ, которымъ сражена —
И избрала сей часъ для важнаго рѣшенья! —
Ахъ! жди въ спокойныя минуты размышленья....

Бурлей.

Такъ жди, чтобъ плѣнница, насытивъ мести жаръ,
Смертельный на тебя обрушила ударъ!

Мельвиль.

Стократъ спасенная Всевышняго десницей,
Въ немъ обрѣтетъ всегда защиту предъ убійцей!
Твои совѣтники неправедно рекутъ,
Когда Маріи жизнь опасною зовутъ:
Опасна смерть ея! Живетъ—отъ всѣхъ забвенна;
Умретъ — и мстителей исполнится вселенна,
И въ памяти тогда исчезнетъ Англичанъ,
Что ихъ законъ едва Маріей не попранъ;
Но правъ ея святыхъ воспомнятъ оскорбленье
И крови Генриха позорное плѣненье.
Тамъ, тамъ, гдѣ нынѣ ты среди народа волнъ
Текла—и онъ шумѣлъ окрестъ, восторга полнъ,
Гдѣ клики радости твой слухъ увеселяли,
Гдѣ взоры свѣтлые очей твоихъ искали;

Тамъ завтра обрѣтешь повсюду страхъ нѣмой,
О чувствахъ подданныхъ сей голосъ роковой,
Сіе безмолвіе, въ народахъ знакъ спокойный,
Что ихъ властители любови недостойны.
Нѣтъ! не захочешь ты дѣяніемъ такимъ
На вѣкъ позоръ нанесть безсмертнымъ днямъ
своимъ;
Нѣтъ! устрашишься ты, что міра гласъ прав-
дивой,
Царей въ могилахъ ихъ судя небоязливо,
Между несчастныхъ жертвъ Марію наречетъ,
Что смерть ея въ ряду злодѣйствъ познаетъ
свѣтъ,
Что обвинители твои, пылая местью,
Но заглушенные теперь шумящей лестью,
Бытописаніямъ безжалостнымъ на судъ
Елисаветы дни изъ гроба воззовутъ!
Содроглась ты.... къ стопамъ священнымъ упадаю
И за тебя въ сей часъ тебя же умоляю!

ЕЛИСАВЕТА.

Къ какимъ страданьямъ я, Мельвилъ, обрѣчена!
За чѣмъ отъ рукъ убійцъ мнѣ жизнь сохранена?
За чѣмъ усердныхъ длань ихъ подвигъ удержала?
Тогда бы кончилъ все одинъ ударъ кинжала,
Тогда бъ я не была столь жалкою въ сей часъ!
Виновныхъ позабывъ, упрековъ не страшась,
Тяжелый свергнувъ санъ съ души моей безсильной,
Почила бъ мирно я во мрачности могильной!

Я жизнью и вѣнцемъ, Мельвиль, утомлена!
Когда Маріи смерть спасти меня должна,
Когда одной изъ насъ назначено судьбою
Не вмѣстѣ на землѣ существовать съ другою —
За чѣмъ Маріи пасть? за чѣмъ, душой уставъ,
Я ей не уступлю моихъ наслѣдныхъ правъ?
Пусть ей державу дастъ народное избранье —
И завтра же теку въ то древнее изгнанье,
Гдѣ я, далекая отъ скорбной суеты,
Безбурной юности вкусила вѣкъ златый;
Гдѣ я, далекая отъ блеска и разврата,
Была въ самой себѣ величіемъ богата!
Мельвиль! умѣла я народомъ управлять,
Доколь могла однѣ щедроты изливать;
Но должно ихъ пресѣчь и я цѣною сею
Короны не куплю: казнить я не умѣю!

Бурлей.

Безмолвенъ буду ль я, внимая симъ словамъ?
Британцамъ гибнущимъ я ль помощи не дамъ?
Елисавета ли вѣщала здѣсь предъ нами?
Ты ль, свой народъ любя, грозишь ему бѣдами?
Тебѣ ль спокойной быть, какъ подданныхъ покой
Еще не утвержденъ незыблемо тобой?
Ты намъ принадлежишь; мы счастливы дотолѣ,
Доколь, надежда всѣхъ, ты будешь на престолѣ!
Иль при Маріи здѣсь воскреснутъ предковъ дни,
Когда подъ властью Папъ не знали благъ они?
Иль придутъ вновь рабы законовъ, Римомъ данныхъ,

Здѣсь храмы затворять, развѣнчивать вѣнчанныхъ?
Помысли о числѣ грядущихъ нашихъ бѣдъ;
Воспомни, дашь за нихъ всей Англіи отвѣтъ
И Богу! — На чредѣ священной, многотрудной,
Будь менѣ слабою, но болѣ правосудной!
Будь сострадательна къ народу, не къ врагамъ;
Не робкимъ женщинамъ, подобна будь Царямъ!
Прерви теченіе безчисленныхъ раздоровъ,
Прерви всѣ ужасы о вѣрѣ давнихъ споровъ,
И ковы тайные и древнюю борьбу,
Которую Стуартъ лишь прекратитъ въ гробу:
Всесильной дланію ты удержи надъ бездной
Законы, вѣру, тронъ и свой народъ любезной!

ЕЛИСАВЕТА.

Да удалятся всѣ! Хочу на единѣ
Всесильнаго Судью призвать на помощь мнѣ:
Невѣденье людей Его не омрачаетъ
И Онъ, Единый Онъ путь правды освѣщаетъ!

(Лорды удаляются во глубину театра, Лейчестеръ и Мельвиль, отходя, смотрятъ на Королеву, кажется, безъ надежды).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Елисавета.

О всенародный гласъ! ты, властелинъ людей!
Тиранъ неистовый, стѣсняющій Царей!
Давно скучаю я, влекомая всѣмъ міромъ
Смиряться передъ симъ презрѣннымъ мнѣ кумиромъ:
Иль рабствовать Цари народу рождены?
Иль черни угождать на тронахъ мы должны?
Иль, скованная вѣкъ боязнію своею,
Желанья не свершу, которымъ пламенѣю?
Я воцарила міръ среди подвластныхъ мѣстъ,
Но буря и досѣль свирѣпствуетъ окрестъ:
Пріязнь коварную ко мнѣ питаютъ Галлы;
Воскресъ среди морей Испанецъ неусталый;
Бросаетъ громы Сикстъ; мятежниковъ союзъ
На вѣки разорвать напрасно я стремлюсь;
Стуартъ, нескрытая своей темницы мракомъ
Вездѣ мнѣ предстоитъ губительнымъ призракомъ!
Не время ли ей пасть законовъ подъ мечемъ?
Мой страхъ окончится преступницы концемъ;
Я царствовать начну спокойно, безопасно.
Жить болѣ не могу, терзаясь ежечасно!....
Мнѣ ль трепетать вѣковъ за мщеніе врагу?....
Когда же славы я моей не собрегу....
Уже мой видитъ взоръ намъ грозное потомство,
Уже мой внемлетъ слухъ судящихъ вѣроломство:
Марія женщина, несчастлива и въ ней
Течетъ святая кровь родныхъ мнѣ Королей;
Въ темницѣ двадцать лѣтъ мнѣ равная страдала;

Довольно скорбь ее за всѣ вины карала!
Вотъ зависть нѣкогда что въ мірѣ повторитъ.
Но какъ! мнѣ смертію преступница грозитъ,
Мой обольстила дворъ и, сѣя заговоры,
Отъ подданныхъ моихъ неправдѣ ждетъ опоры!...
Ктобъ думалъ? Лейчестеръ.... но трепещи, злодѣй!
Испытанъ будешь ты, спокойнымъ быть умѣй.
А я помилую!.... Нѣтъ, смерть! прочь нерѣшимость!

(Приближается къ столу, на которомъ лежитъ приговоръ Маріи; хочетъ подписать, но вдругъ останавливается).

Одна черта.... но ахъ! моя неколебимость
Меня покинула.... Въ рѣшительный сей мигъ
Трепещетъ длань моя; сколь ужасъ мой великъ!
Мнѣ кажется, что міръ стоитъ передо мною,
Что я ражу ее — сей самою рукою!
Могу ли довершить? могу ль.... *(Молчаніе).*
Она предъ нимъ
Дерзнула пренебречь величіемъ моимъ!
Съ какой мнѣ гордостью обиды расточала!
Ему казалося — она торжествовала! —
Напрасенъ гнѣвъ ея, ея безсильна месть!
Мой, мой ударъ вѣрнѣй: онъ долженъ смерть нанесть!

(Хватаетъ съ жадностью перо).

Я беззаконный плодъ, корону посрамляю,
Я тронъ похитила, Британцевъ угнѣтаю —

Несчастная! умрешь и оправдаюсь я;
Избранье между насъ разрушитъ смерть твоя!
Такъ, да не будетъ вв҄ѣкъ сомнѣнья никакого,

(Подписываетъ быстро и рѣшительно).

Законная ли дочь я Генриха осьмаго!

(Перо выпадаетъ изъ рукъ ея и она, какъ бы испуганная, бросается въ кресла. Тотчасъ приходитъ въ себя и подаетъ знакъ пажамъ, чтобъ впустили Лордовъ, которые находятся внѣ залы, но все въ виду зрителей).

Н. Павловъ.

XII.

ЕЛЛАДІЙ.

(Картина изъ свѣтской жизни).

Было время, вы не помните его, друзья мои; было время, когда въ Москвѣ бѣлокаменной — жить за Москворѣчьемъ почиталось такимъ же преступленіемъ, какъ теперь явиться на балѣ въ пестромъ жилетѣ. Въ ето счастливое время дѣвушки еще не читали Французскихъ романовъ, потому, что плохо читать умѣли, а молодые люди почитали чинъ Сержанта гвардіи — цѣлію человѣческой жизни. Въ обществахъ парики и кафтаны вѣка Людовика XIV также спорили съ грубымъ невѣжествомъ, какъ теперь выученныя наизусть имена Французскихъ писателей спорятъ съ тѣмъ же невѣжествомъ; во многихъ домахъ не было другой книги, кромѣ календаря и то купленнаго для предузнанія погоды, етаго камня, на которомъ до сихъ поръ еще изощряется Московское

краснорѣчіе, а на столахъ словесниковъ перечитывался Кургановъ Письмовникъ.

Въ это время славилася въ Москвѣ своею красотою и знатностію Княжна Алина Б.... Тысячи жениховъ вилися вокругъ нее — но родители Алины, надутые количествомъ знатной родни своей — никого не находили достойнымъ руки ея.

Между тѣмъ настала другая епоха Московскаго образованія. — Понизилась дамская прическа, обрѣзалися мужскія косы; уже дѣвушки начали прятать подъ пяльцами бѣдную Лизу, Царевну и Горбуна; молодые люди стали поговаривать, что можно служить и не для однихъ чиновъ, но еще нѣжные родители называли ихъ за то беззаконниками, — еще власть родительская простиралася за предѣлы власти человѣческой, еще смотрѣли съ какимъ-то ужасомъ, смѣшаннымъ съ благоговѣніемъ на того, кто умѣлъ смастерить мадригалецъ.

Въ Москвѣ явился Графъ Ліодоровъ. Проведши молодость свою въ Парижѣ, или, лучше сказать, въ Палероялѣ — онъ привезъ въ отечество лишь истощенное здоровье и новой фасонъ для галстуковъ.

Судьба, пробѣжавши съ нимъ полвѣка, сдѣлала изъ него странное смѣшеніе образованнаго съ невѣждою, но въ обоихъ выбрала худшее! — Она дала Графу ту увѣренность въ собственномъ достоинствѣ, которая столько позволена, необходима даже просвѣщенному, и отняла лучшую принадлежность простолюдима — простоту нравовъ. Словомъ, Графъ Ліодоровъ былъ какъ бы предвозвѣстникомъ, образцикомъ — благородной черни нашего времени.

Когда и въ наше время, благородная чернь играетъ столь важную роль на свѣтѣ, мудрено ли, что тогда Ліодоровъ всѣхъ ослѣпилъ своимъ ложнымъ блескомъ? — Едва обратилъ онъ взоры на Княжну Алину — старушки захлопотали— и осьмнадцатилѣтняя красавица сдѣлалася, почти не зная, какъ.... Графинею Ліодоровою.

Протекли годы, — уже ничѣмъ не побѣждаемое оружіе Сатиры покрывало срамомъ старые предразсудки, уже новыя, благородныя мысли бродили вездѣ съ большимъ успѣхомъ; — не знаю, какъ пробралися они сквозь шарканья старыхъ придворныхъ, сквозь безмысленныя толкованія и Французскія полуостроты свѣт-

скихъ автоматовъ, но ети мысли достигли ушей Графини. Не помогла ли имъ скучная бесѣда стараго мужа, — не знаю, но только вдругъ Ліодорову разлюбили родныя старушки, — Ліодорову, которую онѣ почитали чудомъ міра: — къ одной она не поспѣла на именинный обѣдъ, къ другой на рожденье троюродный внучки-любимицы — сколько предметовъ для различныхъ толковъ и пересудовъ!

„Чтожь сдѣлалося съ Ліодоровой?" спросите вы: я удивлю васъ, друзья мои! Она вдругъ почувствовала ужасную пустоту ее окружающую: свѣтскій вихрь ей наскучилъ, предчувствіе, что будетъ скоро матерью поразило ее: она устыдилась душевной наготы своей и съ необыкновенною бодростію устремилася совершить забытое воспитаніемъ. — Трудно подумать, чтобы женщина принялась за то, будучи окружена толпою тварей безсмысленныхъ; но вѣрьте мнѣ, или не вѣрьте, духъ времени на полетѣ къ немнимой цѣли своей, какъ бы дожидается въ нѣкоторыхъ людяхъ, одаренныхъ свыше, минуты тѣлеснаго ихъ развитія и вдругъ, когда даже сами они не замѣчаютъ того, какъ быстрое

пламя, мгновенно возникаетъ въ нихъ, — производитъ бури душевныя и далеко уноситъ изъ прежняго ихъ, тѣснаго круга.

Графъ, придерживаясь старинной Французской методы видѣлъ въ женѣ своей женщину — и потому должностію почиталъ быть съ ней любезнымъ, иногда волочился за нею, какъ и за всѣми женщинами, а впрочемъ никакъ не входилъ ни въ образъ жизни ея, ни въ занятія. Однажды только, взявъ у ней изъ рукъ томъ Державина и, небрѐжно перевертывая листки — онъ спросилъ съ полуважнымъ Французскимъ видомъ: „Tout cela est du Russe?“ — и не дожидаясь отвѣта принялся справляться въ Парижскихъ газетахъ о здоровьи Папы.

Между тѣмъ беременность Графинина возростала. Чтобъ избавиться отъ скучныхъ обрядныхъ посѣщеній, она отправилася въ подмосковную на ето время и тамъ произвела на свѣтъ близнецовъ—мальчика и дѣвочку.

Графъ остался въ Москвѣ — онъ былъ влюбленъ тогда въ новопріѣхавшую Французскую Актрису — но разстроенное отъ распутства здоровье не на долго послужило безобразной тѣломъ и душею муміи.

Не проходитъ и двухъ дней послѣ родовъ, какъ Ліодорова получаетъ изъ Москвы извѣстіе, что мужъ ея на смертномъ одрѣ и желаетъ еще разъ увидѣть ее. — Ліодорова забываетъ малютокъ и слабость свою — и спѣшитъ въ Москву.

Не буду вамъ описывать ужаснаго зрѣлища ей представившагося. Чья жизнь была — безпрерывное совершенствованіе, тому на землѣ знакомо небесное, тотъ бодро оставляетъ прахъ земной, онъ привыкъ отрясать его! — Но горе, горе оземленѣлому тѣломъ и духомъ! Жизнь не земная страшитъ его, какъ грозное предвѣщаніе! — Одръ смертный его — одръ печалей!

Графъ скончался. Ему приготовили пышные похороны, домашній стихотворецъ написалъ ему девятистопную Епитафію съ рифмами; старушки потолковали много ли была огорчена Графиня во время погребенія — словомъ все дѣло шло своимъ чередомъ, какъ вдругъ ужасный ударъ снова поразилъ Ліодорову.

Деревенскій домъ, въ которомъ находилися дѣти Графини ночью загорѣлся; все

было истреблено пламенемъ. Тщетно хотѣли спасти хотя несчастныхъ малютокъ, кормилица успѣла выхватить лишь одну дѣвочку — мальчикъ же былъ задавленъ подгорѣвшими стропилами.

Скорая поѣздка послѣ родовъ, видъ страдальца, плачевная участь сына — все ето вмѣстѣ повергнула Ліодорову въ болѣзнь ужасную.

У Ліодоровой былъ родственникъ и сосѣдъ по деревнѣ — Добрынскій. — Етотъ Добрынскій былъ человѣкъ чудесный. Пріятели Добрынскаго называли его чрезвычайно умнымъ, ученымъ, набожнымъ, благотворительнымъ, разсказывали о его добрыхъ дѣлахъ, тайно сдѣланныхъ, о трудахъ его, ночныхъ бдѣніяхъ; —добрыя старушки толковали о немъ съ умиленіемъ, качая дрожащими головами, ставили его въ примѣръ молодымъ людямъ; молодые люди, какъ водится, ихъ не слушали.

И точно — казалося, что Добрынскій былъ соединеніе всѣхъ добродѣтелей. Его скромность, умѣренность во всемъ даже

въ бездѣлицахъ превосходили всякое описаніе. Имѣя безнужное состояніе онъ жилъ въ маленькой, наемной комнатѣ; одинъ фракъ составлялъ весь гардеробъ его, столѣтнія дрожки — весь екипажъ. Входя къ нему, вы бы удивились чистотѣ и порядку всего васъ окружающаго; все на своемъ мѣстѣ; самая строгая Нѣмецкая точность не нашла бы ничего переставить. Одинъ столъ, нѣсколько въ безпорядкѣ заваленный книгами почти на всѣхъ языкахъ и, не забудьте, разогнутыми являлъ глубокія знанія, труды своего хозяина.

Скромный видъ его, тихая поступь, глаза, потупленные въ землю, какая-то таинственность въ словахъ и поступкахъ, изрѣдка кидаемые быстрые взгляды — вселяли къ нему нѣкоторый страхъ и уваженіе. Дамы находили глаза его чрезвычайно проницательными, а вырывающіяся слова — многозначущими.

Но если заводился когда ученый споръ въ большемъ ли обществѣ, въ дружеской ли бесѣдѣ—Добрынскій наблюдалъ глубокое молчаніе, конечно отъ скромности; одна ироническая улыбка являлась на устахъ его. Сею улыбкою онъ часто приводилъ

въ смущеніе молодаго человѣка, иногда истинно образованнаго, но по неопытности имѣющаго все право недовѣрять своимъ знаніямъ.

Дамы изъ етой улыбки заключили многое. „Видишь ли какъ онъ ученъ, ma chére," говорили онѣ другъ другу — „даже спорить ни съ кѣмъ не хочетъ!"

Но злые люди, хладнокровно на все смотрящіе, не слишкомъ вѣрили сему заключенію; толковали, что кто любитъ познанія, тотъ любитъ и говоритъ о нихъ, а что всегдашнее молчаніе также подозрительно, какъ несносна болтливость. — На повторяемыя дамами слова Добрынскаго — что порядокъ въ комнатѣ, означаетъ умъ въ ней живущаго, отвѣчали, будто бы въ такомъ случаѣ, всѣ крестьяне Германіи были бъ умнѣе Геттингенскихъ Профессоровъ. — Иные замѣчали, что бо̀льшая часть книгъ лежала по цѣлымъ мѣсяцамъ разогнутыми на одной страницѣ, вѣроятно отъ большаго вниманія читателя, — что даже пыль на нихъ показывала; другимъ же случилось какъ-то въ расплохъ видѣть подъ Санкритскимъ Лексикономъ съ пружинкою карту, а подъ Шпиллингомъ

конечно для справокъ, рукописную книжку: *Искусство дѣлать баламутъ* (*); наконецъ нѣкоторые говорили, что Добрынскій тогда только помогаетъ бѣднымъ, когда всѣмъ будетъ извѣстно, что имъ тайно добро сдѣлано.

Но что слушать хладнокровныхъ людей, которые обо всемъ судятъ по своему и никакъ не хотятъ согласиться съ общимъ мнѣніемъ! не ужъ ли мало того для удостовѣренія въ достоинствахъ Добрынскаго, что старушки каждый день присылали лакеевъ съ приказомъ: кланяться и спросить о здоровьи, а дамы не могли довольно надивиться его учености?

Ліодорова не принадлежала ни къ той ни къ другой сторонѣ. Какъ женщина умная— она не видѣла въ Добрынскомъ, подобно другимъ, чего-то сверхъ естественнаго,—но какъ женщина—не имѣла довольно бодрости, чтобъ воспротивиться его необыкновенной вкрадчивости, способности, которую иногда имѣютъ и самые ничтожные люди.

Добрынскій часто посѣщалъ Ліодорову, во время ея болѣзни. Надобно замѣтить,

---

(*) Искусство подбирать карты.

что онъ имѣлъ способность быть весьма терпѣливымъ съ больными, угождать имъ, поддѣлываться ко всѣмъ ихъ капризамъ. Посредствомъ сего онъ пріобрѣталъ всеобщее почтеніе, а сверхъ того дружбу выздоровѣвшихъ, — видъ его напоминалъ имъ объ утѣшеніи, ими полученномъ.

Однажды, когда Графинѣ сдѣлалось уже лучше, онъ вошелъ къ ней съ корзинкою въ рукахъ. Какое-то удивленіе было начертано на лицѣ его. „Перстъ Божій!“—входя сказалъ онъ съ таинственнымъ видомъ: „перстъ Божій!“ — повторилъ онъ, возведя глаза къ небу. — „Посмотрите, мою находку, Графиня!“

Тутъ онъ открылъ корзинку — въ ней лежалъ — двухнедѣльный мальчикъ. — „Сегодня,“ продолжалъ Добрынскій, „стоя на всенощномъ бдѣніи, я думалъ о васъ, сударыня, о вашихъ потеряхъ, и слезы умиленія катилися по лицу моему. Конечно, молитва моя была услышана. Возвращаюсь домой — и первый предметъ, представившійся глазамъ моимъ — ета корзинка. — Кто принесъ его — неизвѣстно, но само Небо назначаетъ васъ быть матерью етаго младенца. — Вы лишились сына—Небо вамъ возвращаетъ его.

Ліодорова взглянула на младенца, какая-то неясная мысль пробѣжала въ головѣ ея — она приняла его: и сей-то младенецъ — былъ Елладій, юный другъ мой,— герой моей повѣсти.

Не буду утомлять васъ разсказомъ о первыхъ дняхъ Елладія. Вы довольно уже знаете Ліодорову — и потому можете судить, что она ничего не щадила для воспитанія его и Маріи своей дочери; можете судить, что его воспитаніе не было похоже на то, что благородная чернь называетъ у насъ воспитаніемъ. — Говорить ли вамъ еще о томъ, что Елладій и Марія, живъ вмѣстѣ, свыклися, что привычка обратилася въ дружбу, дружба въ любовь— это вы найдете во всѣхъ романахъ, но вотъ обстоятельство, не столько въ нихъ обыкновенное: Ліодорова съ удовольствіемъ смотрѣла на такую связь между молодыми людьми. — Будучи превыше свѣтскихъ предразсудковъ, она видѣла въ Елладіи — не человѣка безъ имени, можетъ быть низкаго происхожденія, — но могущаго составить щастіе Маріи, которое цѣнила дороже всѣхъ свѣтскихъ приличій.

Герою нашему исполнилось осьмнадцать лѣтъ. Тогда я познакомился съ нимъ. Какъ теперь смотрю на Елладія! — Видъ юноши былъ точнымъ изображеніемъ души его: на лицѣ Елладія самонадѣянность и скромность быстро смѣняли другъ друга, а сквозь умный, часто задумчивый взоръ его не рѣдко прокрадывалася насмѣшливая улыбка! — Таковъ онъ былъ и по внутреннимъ своимъ качествамъ:

Не вѣрьте тѣмъ, которые утверждаютъ, что никто не можетъ совершенно оцѣнить себя. Толкуютъ это лишь тѣ, которые по низкой ли робости, по увѣренности ли въ своемъ превосходствѣ, или наконецъ по непривычкѣ къ размышленію, не осмѣливалися вникать во глубину души своей. — Елладій, совершенно постигая и свои достоинства и свои недостатки, твердо зналъ мѣсто, которое ему суждено было занимать на неизмѣримой, изъ столь разнообразныхъ степеней составленной лествицѣ ума человѣческаго. — Имѣя одною цѣлію — истину, или по крайней мѣрѣ то, что ему казалося истиною, онъ на быстромъ стремленіи къ оной, со всемъ жаромъ молодости, опрокидывалъ преграды полагаемые ему приличіемъ ли, собствен-

нымъ ли самолюбіемъ. Высоко цѣня въ себѣ это стремленіе, онъ презиралъ малодушныхъ, безпечно прозябающихъ, въ мрачной области бездѣйственности, но всегда недовольный собою — благоговѣлъ предъ умами возвышенными, дѣятельными. Ненавидя собственныя слабости, онъ негодовалъ на тѣхъ, которые ихъ какъ бы поощряли собою; — видъ же мудраго, напоминая Елладію о собственномъ несовершенствѣ, повергалъ его въ уныніе. — Я бы самаго Елладія назвалъ истинно мудрымъ, если бы такія чувствованія хранилися тайно въ сокровищницѣ души его, сокрытыя отъ нечистыхъ взоровъ толпы безсмысленной — завѣсою равнодушія; но пламень молодости сжигалъ сію завѣсу — и благородныя чувствованія, исходя на внѣшность во всей наготѣ своей — искажалися: твердость характера — казалося упрямствомъ; чувство собственнаго достоинства — безразсудною самонадѣянностію, безкорыстное стремленіе къ совершенству — странностію, наконецъ невольное презрѣніе къ безсмысленнымъ — обращалося въ насмѣшливость. — Такъ свѣтъ солнечный, безплотный духъ міра,—проливаясь во мракъ, теряетъ первобытную чи-

стоту свою, преломляется, мутится, хотя все еще прекрасенъ и въ своихъ преломленіяхъ; — такъ обезображивается все небесное въ земномъ ничтожествѣ!

Само собою разумѣется, что съ такимъ характеромъ, столь рано развившемся и въ послѣдствіи лѣтами укрѣпленномъ, Елладій не могъ быть тѣмъ, кого въ обществѣ называютъ любезнымъ, милымъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые отталкиваютъ отъ себя толпу, но за то, пріобрѣтая друзей или недруговъ, пріобрѣтаютъ истинныхъ и на вѣки.

Я уже сказалъ, что Ліодорова съ удовольствіемъ смотрѣла на связь, возникшую между Елладіемъ и Маріею, но забылъ сказать, что она старалася показать, будто бы не замѣчаетъ того, можетъ быть, думая, что препятствія должны еще болѣе укрѣпить любовь въ сердцахъ юныхъ; — въ самомъ дѣлѣ — ети препятствія, будучи превозмогаемы доставляютъ удовольствія неизъяснимыя, даже въ старости, когда хладѣютъ всѣ чувствованія — онѣ въ воспоминаніяхъ замѣняютъ пламень юношескій и тихимъ наслажденіямъ дружбы придаютъ восторги любви бурной, поры-

вистой, — какъ бы уравновѣшиваютъ сіи два чувствованія.

Марія любила Елладія, какъ брата—по привычкѣ. Получивши отъ природы нравъ тихій, она не способна была ни къ какимъ сильнымъ чувствованіямъ; она принадлежала къ числу тѣхъ, у коихъ характеръ въ продолженіи цѣлой жизни кажется готовымъ развиться, но не развивается. — Всякое впечатлѣніе колебало ее и потомъ уступало мѣсто другому новому, которое также было непродолжительно. Дѣвушка — она любила наряды, воспитанная въ кругу Московскихъ старушекъ, — не забывала и о своей знатной породѣ, но сердечно соглашалася съ своею матерью въ суетности того и другаго. Любила живопись, но когда мать мимоходомъ замѣчала ей, что не слишкомъ ли долго сидѣла она, нагнувшися надъ картиною, Марія хладнокровно оставляла кисть и садилась за фортопьяно, не по слѣпой покорности волѣ материнской, но только потому что ей кто-то говорилъ о перемѣнѣ занятія. Любила танцовать, но безъ всякой скуки могла просидѣть въ продолженіи цѣлаго бала, не танцуя. Любила читать, но готова была остановиться на самомъ зани-

тельномъ мѣстѣ книги. Впрочемъ была весьма умна и добродушна. — Вы спросите, можетъ быть, какъ такое холодное существо могло понравиться пламенному Елладію? Я и самъ того не знаю; — ужъ не по тому ли, непреложному закону Природы, по которому соединяются всѣ противоположности? — Такіе примѣры въ свѣтѣ не рѣдки. — Сверьхъ того Марія имѣла весьма привлекательную наружность — это торжество женщины.—Глаза ея, съ длинными ресницами, всегда полуоткрытые; свѣтлорусыя волосы; пышныя перси; какая-то изнѣженность во всемъ тѣлѣ, совершенное отсутствіе бодрости, столь отвратительное въ мущинѣ и столь прекрасное въ женщинѣ — все это придавало Маріи прелесть неизъяснимую.

Елладію исполнилося 22 года. Уже Графиня Ліодорова готова была исполнить свое желаніе, соединивъ Елладія съ Маріею, — но грозная туча отяготѣла надъмоимъ героемъ.

Пора вамъ узнать, друзья мои, Добрынскаго — онъ преважную роль играетъ въ жизни Елладіевой. — Онъ, закоренѣлый въ притворствѣ, пробѣжалъ полстолѣтія, сохранивши имя человѣка честнаго и умнаго,

но въ самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ ужасный: Гнусное корыстолюбіе поглощало въ немъ всѣ другія чувствованія — а картежная игра была средствомъ для удовлетворенія сей страсти. — Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать, онъ надѣлъ на себя личину набожности, страсти къ познаніямъ, благотворительности. Цѣлая шайка картежниковъ; укрывавшихся отъ взоровъ правительства, была въ его распоряженіи. Каждый день разсыпалися они по цѣлому городу, по гульбищамъ, трактирамъ, театрамъ, развѣдывали о новопріѣзжающихъ, о ихъ состояніи, объ образѣ жизни, — и ввечеру приносили подробныя увѣдомленія Добрынскому.

Ему же, знакомому съ цѣлымъ городомъ пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ, не мудрено было, съ помощію своихъ сотрудниковъ не только знакомиться съ несчастными жертвами, но втираться къ нимъ въ довѣренность, дружбу; это онъ умѣлъ дѣлать съ такимъ искусствомъ, что, казалося, не онъ самъ искалъ знакомства, но другіе его искали и что даже то ему тягостно; каждаго новаго знакомца онъ увѣрялъ, что замѣтивши въ немъ необыкновенныя достоинства, удостоиваетъ его своей пріязни; съ набожнымъ говорилъ онъ

о спасеніи души; съ благотворительнымъ о добрыхъ дѣлахъ; съ ученымъ старался болѣе молчать, или завести рѣчь о тѣсныхъ предѣлахъ ума человѣческаго, и сверхъ того, о чемъ-то такомъ, о чемъ гордая Философія и грезить не смѣетъ. Такимъ образомъ инымъ умѣлъ онъ понравиться согласіемъ во мнѣніяхъ, другихъ поразить своею таинственностію; а каждаго заставить дорожить своею дружбою. — Даже и тогда, когда повергалъ несчастныхъ жертвъ въ бездну несчастій — они не только не почитали Добрынскаго виновникомъ своего злополучія, но еще къ нему же приходили каяться въ своихъ ошибкахъ. — Самъ же онъ, по предосторожности никогда не игралъ, — его дѣло было лишь сводить играющихъ, а на досугѣ изобрѣтать разныя картежныя плутовства, какъ-то подборы, передержки и проч.

Однажды его товарищи подмѣтили въ трактирѣ молодаго, лихаго улана, который что-то небережно отсыпался деньгами; разомъ знакомятся съ нимъ за бутылкою Шампанскаго, узнаютъ, что онъ имѣетъ богатое имѣніе, — а Добрынскій находитъ случай съ нимъ познакомиться у одной своей родни Глупосилиной. — Эта

Глупосклина была, по ея собственному увѣренію — весьма невинная дѣвушка — лѣтъ 40, — которая съ досады на отцвѣтшую молодость, рѣшилась быть смиренницею, развозила по городу вѣсти о свадьбахъ, сговорахъ, которые всегда у ней, какъ камень на душѣ лежали. Однимъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ ея Философіи было то, что она картежниковъ никакъ не почитали людьми, хотя чѣмъ нибудь погрѣшающими противъ законовъ Божескихъ или человѣческихъ; напротивъ выигрышъ ей казался — особенною Божіею милостію. „*Богъ даетъ!*" — говорила она. Въ слѣдствіе такихъ правилъ — она была помощницею Добрынскаго во всѣхъ его плутовствахъ: вмѣстѣ съ нимъ заманивала молодыхъ людей, дѣлилась съ нимъ выигрышемъ, а между тѣмъ не мало способствовала къ распространенію славы о его добродѣтеляхъ, ибо по громкому своему голосу имѣла довольный вѣсъ въ городѣ.

На сей разъ этой достойной четѣ предстоялъ подвигъ довольно трудный. Храбровъ, такъ назывался лихой уланъ — никакъ не давался въ сѣти, которыя ему раставляли сотрудники Добрынскаго. Тщетно истощали всѣ обыкновенныя, такъ сказать,

простонародныя картежныя хитрости: тщетно тратили деньги на Шампанское, тщетно предлагали ему быть съ нимъ въ половинѣ; — Храбровъ ни съ кѣмъ не дѣлился, выпивалъ бокалъ за бокаломъ, а между тѣмъ хладнокровно подмечалъ подборы, не пропускалъ ни одной передернутой карты — и всѣ хитрости своихъ противниковъ обращалъ имъ же во вредъ.

Уже игроки падаютъ духомъ, уже рѣшаются оставить въ покоѣ Храброва, но Добрынскій, какъ закоренѣлый картежникъ, не тревожится неудачами, и никакъ не хочетъ такъ легко выпустить изъ рукъ добычу: въ головѣ его безпрестанно вѣртится мысль о богатомъ имѣніи Храброва. Назначаютъ день игры. Добрынскій выдумываетъ хитрость, которая теперь, какъ говорятъ, уже въ большомъ употребленіи у картежниковъ, но отвѣчаю, что въ первый разъ употреблена была Добрынскимъ. —

Садятся, играютъ — Добрынскій налагаетъ на себя должность снимать со свѣчь; какъ нарочно, безпрестанно на свѣчахъ нагораетъ; Добрынскій не лѣнится снимать, — и что сниметъ, то убьютъ карту Храброва. — Улану вскорѣ надоѣла эта проказа,

онъ замѣтилъ въ чемъ дѣло, быстро схватилъ близь лежавшій ножъ и разомъ пригвоздилъ къ столу Добрынскаго руку вмѣстѣ съ щипцами: хотя обыкновенно бездѣльники, будучи трусами, въ подобныхъ случаяхъ дѣлаются храбрыми по самой своей трусости, но товарищи Добрынскаго не осмѣлились и пошевельнуться — ихъ оледѣнилъ одинъ грозный взоръ сослуживцевъ Храброва.

„А! попался, плутяга!" — сказалъ Храбровъ хладнокровно, не выпуская со стола Добрынскаго руку: „не вертись такъ, сдѣлай милость, — не отвертишься. — Полно тебѣ обманывать честныхъ людей; завтра же цѣлый городъ узнаетъ, что ты за птица; не останется ни одного человѣка, кому бы я не разсказалъ о твоихъ подвигахъ. — Не ищи въ головѣ своей ни оправданій, ни отговорокъ — я давно тебя уже на сквозь видѣлъ! Теперь твоя слава и всѣ труды твои, все твое лицемѣріе на вѣки потеряны. — Впрочемъ я человѣкъ добрый — я пожалуй и прощу тебя, но съ маленькимъ условіемъ — давай договариваться."

— Пусти же прежде руку мою! — сказалъ трепещущій отъ боли и страха Добрынскій; положеніе, въ которомъ онъ нахо-

дился совершенно разстроило личину, подъ которою онъ скрывалъ истинную свою физіогномію: черты, которыя, казалося, разливали по его лицу умиленіе, въ настоящемъ своемъ видѣ являли только бездушность, даже слабоуміе; глубокомысліе обратилось въ коварство; таинственность — въ трусость; вся цѣлость лица его представляла нѣчто скаредное.

„Изволь! я и на то согласенъ!" продолжалъ Храбровъ. „Теперь завяжи себѣ руку платкомъ и слушай: ты знаешь Графиню Ліодорову — я не влюбленъ въ дочь ея, но эта дѣвочка мнѣ нравится, да сверьхъ того у ней много приданаго; а я васъ всѣхъ обманывалъ: у меня столько же богатства, сколько въ тебѣ честности— ты можешь сдѣлать изъ Графини, что хочешь — жени меня на ея дочери!"

Дѣлать было нечего — Добрынскій обѣщалъ все, что было въ его силахъ; помирился съ Храбровымъ, даже подружился съ нимъ и вмѣстѣ принялися за дѣло.

Елладій, котораго Графиня любила, какъ сына — былъ главнѣйшимъ препятствіемъ къ достиженію ихъ цѣли; на него-то были устремлены сперьва всѣ покушенія сихъ витязей.

У Глупосилиной былъ родной братъ, человѣкъ ничтожный и низкій въ полномъ смыслѣ сихъ словъ. Въ немъ соединялися необыкновенныя противорѣчія: ненависть къ просвѣщенію обнаруживалася въ каждомъ словѣ его, а между тѣмъ онъ любилъ выдавать себя за любителя и знатока въ наукахъ и въ изящныхъ искусствахъ. Хотѣлъ быть человѣкомъ хорошаго, знатнаго тона; и окружалъ себя людьми подлыми во всѣхъ отношеніяхъ, для того, чтобъ они улыбалися, при каждой, имъ сказанной глупости и — его обѣдъ почитали величайшимъ благодѣяніемъ. Любилъ казаться благотворительнымъ, и бралъ по 20 процентовъ съ должниковъ своихъ. Чтилъ древнія обыкновенія, и оставлялъ въ нищетѣ бѣдныхъ родственниковъ своихъ. Сверхъ того Глупосилинъ почиталъ себя великимъ Патріотомъ, потому, что нюхалъ Русскій табакъ — и честнымъ человѣкомъ, — ибо ненавидѣлъ карточную игру, хотя не потому, чтобы онъ находилъ въ ней нѣчто дурное, но отъ того, что былъ однажды жестоко обыгранъ въ своей молодости.

Етотъ Глупосилинъ весьма почиталъ Добрынскаго, потому, что посредствомъ се-

стры своей занималъ у него иногда деньги, раздавши свои собственныя за выгодные проценты: — почему Добрынскій и выбралъ его средствомъ для достиженія своей цѣли.— Сверхъ того Глупосилинъ ненавидѣлъ Елладія по многимъ причинамъ: сей послѣдній не разъ приводилъ Глупосилина въ замѣшательство, когда онъ хотѣлъ величаться своими знаніями; притомъ Елладій имѣлъ порокъ непростительный въ глазахъ такихъ людей, каковъ Глупосилинъ — молодость.

Надобно знать, что Добрынскій,— еще прежде сего случая, желая поддѣлаться къ Ліодоровой, — старался всячески льстить Елладію и расхваливалить его въ глаза съ обыкновеннымъ своимъ таинственнымъ видомъ; хотя внутренно также ненавидѣлъ Елладія, — ибо сей послѣдній часто говаривалъ, что благотворительность въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно разумѣютъ, будучи добродѣтелью частною, необъемлющею всѣхъ отраслей духа человѣческаго — еще не можетъ составить понятія объ истинно доблестномъ; что одна доброта сердца — безъ просвѣщеннаго разума — ничтожна и что такая односторонность въ образованіи не только далеко не достигаетъ всеобщаго совершенствованія, но еще вре-

дитъ оному, ибо служитъ личиною и оружіемъ невѣжества и слабоумія.

Теперь Добрынскому надобно было искусно перемѣнить свою роль. Чтобъ вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ придумалъ планъ ужасный, адскій:

Прежде всего, чтобы избѣжать всѣхъ подозрѣній, Глупосилинъ ввелъ въ домъ Ліодоровой, Храброва; а Добрынскій показалъ видъ, будто совершенно не знакомъ съ нимъ.

Въ городѣ было одно бѣдное семѣйство Линскихъ. Оно когда-то было обязано небольшимъ благодѣяніемъ отцу Глупосилина — и простодушные люди сохраняли благодарность даже и къ сыну; сей же поддерживалъ съ ними знакомство для того, чтобы имѣть случай сказать иногда, какъ несносны они ему своею докучливою признательностію.

Елладій у Глупосилина познакомился съ семѣйствомъ Линскихъ, состоявшимъ изъ вдовы и ея шестнадцати-лѣтней дочери и довольно часто посѣщалъ его: — ихъ домъ, находившійся близко ***выхъ горъ, служилъ ему роздыхомъ, ибо Елладій, имѣя привычку ходить пѣшкомъ много, всегда выбиралъ окрестности горъ сихъ мѣстомъ своихъ прогулокъ.

О сихъ посѣщеніяхъ провѣдалъ Добрынскій и онѣ послужили ему основаніемъ его хитрости:

Добрынскій продолжалъ хвалить Элладія Ліодоровой; но старался показывать, что похвалы его становятся холоднѣе — онъ зналъ, что это не избѣгнетъ отъ проницательнаго взора Графини.— Сверьхъ того старался чаще будто бы ненарокомъ намекать о насмѣшливости Элладія, ни хваля, ни порицая ее,—ибо зналъ, что эта черта въ Элладіевомъ характерѣ не нравилася самой Графини, не совершенно постигавшей его, не смотря на умъ свой. Когда же она заговаривала о благородствѣ души Элладія— Добрынскій отвѣчалъ отрывисто, сухо и какъ бы не хотя.

Глупосилиной дано было порученіе развозить по цѣлой Москвѣ вѣсть о тайномъ бракѣ Элладія, не говоря однако же, съ кѣмъ, но только не съ Маріею;—это было сдѣлано съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы эта вѣсть, какъ бы ненарокомъ и изъ чужихъ рукъ коснулась ушей Ліодоровой. Глупосилина съ великою радостію взялась за сіе порученіе:—оно доставляло ей случай удовле-

творить любимой ея склонности — болтовству, а сверьхъ того — и отомстить нѣсколько Елладію, который былъ столько невѣжливъ, что не замѣчалъ нѣжныхъ взоровъ, кидаемыхъ ему смиренницею. — Съ поспѣшностію бросилась она ко всѣмъ своимъ знакомымъ, помирилась съ непріятелями, возобновила оставленныя знакомства, надѣлала пропасть новыхъ, и все для того, чтобъ имѣть болѣе случая вездѣ горячиться и называть Елладія неблагодарнымъ, повѣсою, беззаконникомъ — — къ ней присоединился цѣлый хоръ Московскихъ старушекъ, столько любящихъ мѣшаться не въ свое дѣло — и на другой же день стали намекать Графинѣ о тайномъ бракѣ Елладія.

Ети вѣсти нѣсколько огорчили Ліодорову; хотя она и не вѣрила имъ, а все не могла защитить себя отъ мысли, что онѣ должны же имѣть какое либо основаніе.

Но непритворное удивленіе, съ которымъ услышалъ Елладій ея о семъ вопросѣ, совершенно ее успокоило. Сверьхъ того, Ліодорова видѣла все ту же привязанность Елладія къ Маріи и потому, чтобы однимъ разомъ уничтожить всѣ толки, — рѣшилась поспѣшить свадь-

бою. — Желанію ея воспрепятствовала — нечаянная небольшая болѣзнь Маріи.

Однажды вечеромъ встрѣтились у Глупосилина Храбровъ съ Добрынскимъ. „Что же братъ?" — спросилъ онъ: — „всѣ твои хитрости нейдутъ на ладъ, и мое дѣло отъ нихъ впередъ ни мало не подвигается. Напротивъ того, чрезъ недѣлю назначена свадьба — только не моя, а етаго негоднаго фрачника."

— Что же мнѣ дѣлать? — сказалъ Добрынскій.

Храбр. Ето не мое, а твое дѣло. Ты далъ слово — такъ держись его, старый проказникъ. Взгляни на свою руку — она еще не зажила, — пусть хоть она напомнитъ тебѣ, что я мастеръ учить бездѣльниковъ.

Добрынскій посмотрѣлъ на него изъ подлобья, прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ — казалось, что-то тайное боролось въ душѣ его. — „Такъ и быть!" — сказалъ онъ наконецъ, какъ бы превозмогая себя — „такъ и быть!"

„Храбровъ! Марія твоя!“ — прибавилъ онъ и вышелъ изъ комнаты съ сумрачнымъ видомъ.

На другой день Ліодорова получила отъ Добрынскаго письмо, въ которомъ онъ объявлялъ ей, что Елладій — былъ сынъ ея, что онъ принесенъ былъ къ нему человѣкомъ незнакомымъ, спасшимъ его отъ пожара, что онъ видя въ семъ странномъ случаѣ дивное произволеніе Божіе и сверьхъ того удерживаемый непонятною ему силою, не открывалъ сего до тѣхъ поръ, пока не принужденъ былъ къ тому рѣшимостію Графини соединить его бракомъ съ Маріею.

Въ слѣдъ за симъ явился самъ Добрынскій — цѣлыхъ два часа толковалъ онъ съ Графинею въ кабинетѣ — не знаю о чемъ, но она вышла оттуда совершенно убѣжденною въ истинѣ словъ Добрынскаго. Такова была власть надъ умами сего человѣка.

Не буду описывать смѣшенія различныхъ чувствованій въ душѣ Елладія, при

сей внезапной перемѣнѣ. — „Не знаю, какъ объяснить вамъ,“ писалъ онъ къ одному своему другу, „что теперь происходитъ во мнѣ. Особенно непонятно мнѣ то чувство, съ которымъ смотрю я на Марію. Хочу къ ней приближиться — и боюсь. Хочу говорить — и не знаю какъ назвать ее. — Долго я не могъ постигнуть радостна ли мнѣ или прискорбна совершенная перемѣна отношеній между мною и ею, но вчера она съ обыкновенною своею холодностію сказала мнѣ: „Теперь, когда я пойду замужъ, Елладій, ты будешь моимъ шаферомъ!“ — эти слова потрясли всю мою внутренность — они объяснили мнѣ дотолѣ непонятное! — Ты — за мужемъ? — я твоимъ шаферомъ? — вскричалъ я съ горькою улыбкою — и не могъ болѣе ничего вымолвить; — Марія же, казалось, не поняла моего движенія; она ничего не отвѣчала мнѣ и спокойно принялась дорисовывать свою картину, представляющую богиню спокойствія,“ и проч.

Между тѣмъ другая туча разразилася надъ Елладіемъ.

Добрынскій еще прежде сего расчиталъ, что, не смотря на его открытіе, Елладій

по своему характеру все будетъ служить препятствіемъ соединенію Маріи съ Храбровымъ. Для сего-то прежде и изобрѣтена была имъ вѣсть о тайномъ бракѣ Елладія.

Къ тому еще присоединилося другое обстоятельство. Глупосилинъ, имѣя виды особенные, настаивалъ, чтобъ Елладія женить непремѣнно на Юліи (такъ называлася дочь Линской).

Снова сестра его отправилась по городу подтверждать вѣсть свою, съ прибавленіемъ, что Елладій женится на Линской. Самъ же Глупосилинъ поѣхалъ къ Ліодоровой — и наученный Добрынскимъ — сперьва представилъ ей, какъ его отецъ и онъ самъ принимали всегда участіе въ семѣйствѣ Линскихъ и какую любовь онъ чувствуетъ къ Елладію, — а потомъ принялся просить Графиню *не препятствовать болѣе счастію двухъ сердецъ, другъ друга нѣжно любящихъ и согласиться на бракъ Елладія съ Юліею.*

Это подтвержденіе прежнихъ городскихъ слуховъ — еще болѣе огорчило Графиню, нежели прежде. Изъ сего мнимаго поступка Елладія, она выводила заключеніе — о скрытности его характера и даже о неблагородствѣ души его. Она вспомнила

холодность Добрынскаго — когда рѣчь заходила о сей послѣдней чертѣ нрава Елладіева, — и все ето вмѣстѣ произвело на нее впечатлѣніе весьма непріятное.

Позвали Елладія. — Узнавши въ чемъ дѣло, — онъ съ удивленіемъ спросилъ Глупосилина, съ чего взялъ онъ мысль просить о его женитьбѣ на Линской?

„Ну полно, братъ!" — сказалъ Глупосилинъ трепля его по плечу, потряхиваясь и подло посмѣиваясь: „полно скрываться — все знаемъ. Вѣдь не каждый ли день ты бываешь у Линской?" — Елладій поблѣднѣлъ отъ негодованія, дрожь проняла всѣ члены его, онъ бы разразилъ на мѣстѣ бездѣльника, еслибъ не удержали его отъ того присутствіе и даже слова матери.

— Я не обязанъ вамъ отдавать отчета въ своихъ поступкахъ, — вскричалъ онъ глухимъ голосомъ — и васъ прошу, даже приказываю вамъ не заботиться о дѣлахъ моихъ! — Глупосилинъ струсилъ и принялся извиняться, увѣрять Елладія, что только думая угодить, — по ошибкѣ — пріѣзжалъ хлопотать о его свадьбѣ.

Глупосилинъ, увѣдомивъ Добрынскаго о худомъ успѣхѣ своего предпріятія, сказалъ,

что надобно предпринять что нибудь рѣшительное и принудить Елладія жениться.

Тщетно отговаривалъ его отъ того Добрынскій, гораздо лучше его понимая людей и зная въ особенности характеръ нашего молодаго человѣка:

„Вы уже испытали каковъ Елладій!" говорилъ Добрынскій. „Надобно выбрать другую сторону: пускай больше утвердится въ городѣ слухъ о его связи съ Юліею, пусть онъ увѣрится, что этотъ слухъ вредитъ ея доброму имени; онъ твердо увѣренъ, что это единственное сокровище у бѣдной дѣвушки и — я знаю Елладія — онъ женится на ней для того только, чтобъ спасти ея доброе имя."

— Чего тутъ ждать? — прервалъ съ сердцемъ Глупосилинъ, — она чрезъ недѣлю произведетъ на свѣтъ маленькаго Глупосилина, — тогда уже поздно будетъ, а свалить эту бѣду больше не на кого. Нѣтъ! по моему лучше: пугнемъ хорошенько цѣлою гурьбою! — Молодой человѣкъ! струситъ! —

Храбровъ присталъ къ мнѣнію Глупосилина и Добрынскій долженъ былъ уступить большинству голосовъ.

Въ тотъ же день обдумали планъ атаки и собрали для того множество участни-

ковъ. Прискорбно подумать, что такъ много нашлося людей, способныхъ на низкій поступокъ—но что дѣлать? ето истина. — Одни хотѣли угодить Глупосилину, какъ человѣку, у котораго можно хорошо обѣдать; другимъ Елладій помѣшалъ возвыситься во мнѣніи людей — обличеніемъ ихъ невѣжества; третьихъ коснулась его часто язвительная насмѣшка; четвертые наконецъ не любили Елладія по той только причинѣ, по которой всѣ глупцы имѣютъ отвращеніе отъ умныхъ: — даже одинъ старый слуга, въ домѣ Графини, готовъ былъ присягнуть во лжи! — етотъ не любилъ Елладія только за то, что все почиталъ его *самозванцемъ, не отъ Графской крови*, все видѣлъ въ немъ пріемыша.

На другой день въ домѣ Графини явилась Линская, съ распущенными волосами въ изорванномъ платьи и съ рыданіями бросилась къ ней въ ноги, — обвиняя Елладія въ обезчещеніи ея дочери.

Ета низкая женщина не постыдилась оклеветать Елладія. Причиною сего поступка была врожденная подлость: она

была напугана Глупосилинымъ, который вмѣстѣ умѣлъ и прельстить ее тѣмъ, что дочь ея будетъ *Графинею.* При сей одной мысли — потухли въ Линской малѣйшія искры благородства.

Въ слѣдъ за Линской явился Глупосилинъ съ свидѣтелями; — принявъ на себя роль раздраженнаго заступника невинности, онъ укорялъ Елладія въ презрѣніи всѣхъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ, и съ величайшимъ жаромъ, почти съ слезами на глазахъ проповѣдывалъ о злополучіи бѣдной Юліи и о томъ, что одною женитьбою онъ едва можетъ омыть свой черный поступокъ.

Добрынскій, сначала было принялся защищать Елладія, разумѣется такъ, что ета защита была хуже обвиненія, — но наконецъ оборотился на него съ упреками. Съ какимъ пламенемъ восклицалъ онъ, что страшный грѣхъ налегъ на душу Елладія и на душу соблазненной имъ!

Все говорило противъ Елладія: одни утверждали, что слышали его клятвенныя обѣщанія Юліи — жениться на ней; другіе — какъ онъ просилъ до времени не объявлять о семъ Графинѣ; старый слуга признавался съ притворнымъ раскаяніемъ, что не разъ былъ посыланъ молодымъ Графомъ

для подкупленія горничныхъ Юліи; — Линская была почти въ безпамятствѣ.

Всего етаго недостаточно было бы для удостовѣренія Ліодоровой — столь великую довѣренность питала она къ Елладію; но такова женщина! — созданіе прелестное, но слабое! за чѣмъ ты не можешь существовать независимо? — за чѣмъ съ легкомысліемъ ввѣряешся одному своему воображенію? — Кто ни овладѣетъ сею отраслію души твоей — и уже ты вся въ его власти.

Такова женщина! — Повторяю я: — едва произнесъ Добрынскій два слова противъ Елладія, какъ и перемѣнился образъ мыслей Ліодоровой. — Всѣ слухи, касательно Елладія, показались ей достовѣрными; Глупосилинъ — несправедливо имъ оскорбленнымъ, а самъ Елладій человѣкомъ хитрымъ, безчестнымъ. — Она дала слово Линской заставить сына своего непремѣнно жениться на Юліи, но чтобы не произвести новаго шума, просила всѣхъ къ ней чрезъ нѣсколько дней пріѣхать и дать ей время переговорить на единѣ съ Елладіемъ.

Бѣдной Елладій, ничего не зная о происходящемъ, сидѣлъ тогда въ комнатѣ Ма-

ріи, которой болѣзнь, прекратившись только на малое время, возобновилася съ бо̀льшею силою, и въ коей замѣчали припадки, означавшіе, что отецъ Маріи вмѣстѣ съ кровію передалъ ей и свои болѣзни.

Сухо встрѣтила Графиня своего сына. Нѣсколько времени хотѣла она сохранить холодную наружность, но наконецъ хладнокровіе ее оставило и она съ жаромъ высказала Елладію все то, что было у ней на сердцѣ: тщетно хотѣлъ бѣдный юноша оправдаться! чѣмъ болѣе онъ оправдывался— тѣмъ болѣе казался ненавистнымъ въ глазахъ Ліодоровой; — особенно поражало ее отвращеніе его отъ женитьбы съ Юліею, — Юліею, имъ обезчещенною. То укоризны сыпалися за укоризнами, то съ слезами на глазахъ, мать умоляла Елладія раскаяніемъ и послушаніемъ загладить свой проступокъ: то и другое попеременно раздирало душу Елладія; но онъ, чтя истину выше всѣхъ благъ и бѣдствій подлунныхъ, къ тому же раздраженный насиліемъ и сверхъ того руководимый какимъ-то тайнымъ чувствомъ, глубоко заронившемся въ душу его, — чувствомъ, котораго начало онъ боялся объяснить себѣ, Елладій оставался непреклоннымъ. Цѣлый день продол-

жалася сія битва; уже къ вечеру, Графиня, оскорбленная Елладіевомъ упрямствомъ—грозно приказала ему оставить ее въ покоѣ; уже онъ стремился къ виновникамъ вѣроломнаго поступка, чтобы омыть въ крови ихъ свое злополучіе,—какъ вдругъ необыкновенно увеличавшаяся болѣзнь Маріи остановила его; цѣлую ночь и слѣдующій день она провела въ страданіяхъ, а на третій къ утру стали даже отчаяваться въ ея жизни.

Обѣ ночи Елладій и мать его, не смыкали глазъ.—Безмолвно злополучный юноша сидѣлъ у изголовья Маріиной постели, дико устремивъ взоры на блѣдное лице ея, не принимая ни пищи, ни питія; каждый вздохъ ея, каждое движеніе, отзывалися въ душѣ его и производили дрожь во всемъ тѣлѣ.

Утро разрѣшило страшную загадку: Добрынскій, — сіе чудовищное явленіе въ нравственномъ мірѣ пріялъ наконецъ мзду свою! Разбитый испуганными лошадьми, онъ получилъ смертельную рану и находясь на смертномъ одрѣ открылъ тайну свою, тайну ужасную: онъ открылъ, что Елладій былъ сынъ его — плодъ любви беззаконной; что тер-

заемый корыстолюбіемъ, боясь улики своему ложному смиренію, онъ не признавалъ его; — наконецъ, что и Юлія была также его дочерью — и злодѣй не страшился — —„Прощеніе! прощеніе!" завопилъ онъ предъ послѣднимъ издыханіемъ, судорожно изгибаясь, и съ кровью изрыгнулъ свою нечистую душу.

Пораженные кончиною Добрынскаго, соучастники его злодѣяній поспѣшили къ Ліодоровой, съ трепетомъ испрашивая у ней прощенія и раскаяваясь во всѣхъ своихъ поступкахъ.

Но поздно, поздно вѣсть сія достигла до дома Графинина!

Коварство людей, — гнѣвъ, почти проклятіе той, которую Елладій почиталъ своею матерью, — мучительная болѣзнь Маріи — все это вмѣстѣ сильно подѣйствовало на слабыя его отъ Природы нервы; къ тому же вникая въ самаго себя, въ неимовѣрное почти согласіе людей вредить ему, онъ въ самомъ себѣ, въ своемъ самолюбіи, въ своей насмѣшливости — находилъ причины людской къ себѣ ненависти. — Эта мысль приводила его въ отчаяніе — и наконецъ повергла въ сумасшествіе.

Такъ погибнулъ сей юноша,—которымъ бы нѣкогда гордилось Отечество!

Еще не давно я видѣлъ Елладія: уже давно потухъ огонь въ пламенныхъ очахъ его; — глубокая, тихая скорбь разливалася по лицу его; блѣдный, съ ввалившемися щеками, съ всклокоченною головою, сидѣлъ онъ, приклонивъ голову на грудь свою; ему до сихъ поръ все чудится одръ смертный Маріи; часто изъ стиснутыхъ устъ вылетаетъ вздохъ — или тихо, раздирающимъ душу голосомъ, онъ повторяетъ: *я невиненъ!*

Картина моя дорисована (*): какой будетъ удѣлъ ея? — Философъ не удостоитъ ее своего возрѣнія, — она и не заслуживаетъ взора Любомудра возвышеннаго! — Люди свѣтскіе взглянутъ, найдутъ может быть нѣкоторыя черты на себя похожими и отвернутся отъ живописца,

(*) Для любопытныхъ прибавляю: Марія выздоровѣла — и вышла замужъ. Ліодорова же не оставляетъ злополучнаго Елладія.

смѣющаго быть не подобострастнымъ! — Юныя прелестницы не подарятъ меня улыбкою — я часто оскорблялъ ихъ прихотливое самолюбіе!

Одеск.

XIII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЕМЫ: ИСКУССТВО ЛЮБИТЬ.

(Окончаніе).

Алина! безъ тебя задумчивый, унылый,
Хотя брожу съ тоской,—но призракъ сердцу милый,
Твой образъ носится повсюду надо мной;
Мечтаешься ты мнѣ—подъ тѣнью древъ густой—
Въ малѣйшемъ шорохѣ—листочка въ трепетаньи
Я слышу голосъ твой! — Въ серебряномъ сіяньи
Луны сквозь облака мерцающихъ лучей,
Зрю томный, кроткій блескъ задумчивыхъ очей;
Тебя вообразивъ, я странъ нездѣшнихъ житель
И ты, въ разлуки часъ, мой геній утѣшитель!
Въ восторгѣ позабылъ, что милой нѣтъ со мной:
Любовь и среди мукъ, есть даръ Судьбы благой!....
Она — путь жизни сей цвѣтами устилаетъ,
Отъ сердца гонитъ грусть и душу оживляетъ!
Повѣрьте: безъ нее блаженства въ мірѣ нѣтъ;
Лишь ею держится и дышетъ цѣлый свѣтъ.
Напрасно говорятъ вамъ, дѣвушки прекрасны:
„Страшитеся любви!—Всѣ клятвы сладострастны
„Въ устахъ любовника не значутъ ничего!
„Сего дня взоръ одинъ блаженство для него,
„Сего дня подлѣ васъ онъ міръ позабываетъ,

„А завтра, мотылекъ, отъ розы отлетаетъ
„Пить сладость жизни всей на пышный анемонъ!"
Напрасно мудрецы толкуютъ: вѣрность—сонъ!
И сердце дѣвушки отъ счастья удаляютъ,
Измѣною въ любви, въ шестнадцать лѣтъ пугаютъ.
Не вѣрьте! — и когда Киприды сына власть
Заставитъ юношу у ногъ излить вамъ страсть,
Коль сердце бьется васъ — душой его любите
И бога всѣхъ утѣхъ упрямствомъ не гнѣвите:
Все создано любить! такъ—киньте взоръ вокругъ:
Вамъ скажутъ тоже боръ, ручей, пригорки, лугъ;
Вамъ тоже подтвердятъ и птичекъ страстны
хоры,
Съ любовью на кустахъ встрѣчая блескъ Авроры.
Но скажете вы мнѣ: „Богъ времени сѣдой
Не рѣдко увлекалъ Амура за собой;
На помощь старику всегда какъ тутъ разлука;
Забытой милымъ быть ужаснѣйшая мука!"
Позвольте въ сихъ стихахъ вамъ истину открыть:
Тотъ прямо не любилъ, кто можетъ измѣнить!
Не думайте чтобъ страсть была тотъ огнь
мгновенный,
Близь васъ красавицы невольно въ насъ возженный,
Когда, плѣненные улыбкою одной,
Иль взоромъ огненнымъ, любезностью другой,
Обоихъ хвалимъ мы; — такъ — бабочка златая
Льнетъ къ каждому цвѣтку, надъ ними вкругъ
порхая;
Пока не отлетитъ — равно всѣ милы ей.
Нѣтъ, нѣтъ! обвороженъ Алиною моей,

Любовью я зову, — то сердца упоенье,
Тотъ сладостный восторгъ—себя всего забвенье,
Когда, въ одной изъ васъ, зря блага жизни сей,
Мы мыслимъ, чувствуемъ и дышемъ лишь для ней!
Такъ! вѣрьте лирѣ въ томъ! — Всесильно Провидѣнье,
Когда создало міръ, и въ ономъ все творенье,
Съ начала человѣкъ два сердца получилъ;
Но вскорѣ самъ Творецъ сердца тѣ раздѣлилъ;
Когда увидѣлъ онъ, что персть имъ оживленна,
Сама собой никакъ не можетъ быть блаженна.
Богъ женщину создалъ, — красу природы всей:
Одно, изъ нашихъ двухъ, забилось сердце въ ней;
Другое жь въ насъ съ тѣхѣ поръ, къ нему стремиться стало,
Чтобъ съединиться вновь—и вотъ любви начало!
Могу ли чѣмъ еще яснѣе доказать,
Что должно страсть сію высокой почитать?—
Любовь наукамъ мать! — Ея волшебна сила
Желанье нравиться межь смертныхъ поселила;
Искуства родились—чудесъ сталъ полонъ свѣтъ!
Близь милой въ первый разъ себя позналъ Поэтъ:
Не въ силахъ все сказать, Амуромъ вдохновенный,
Онъ мыслью вдругъ постигъ языкъ Боговъ священный;
Въ восторгѣ лиру взялъ.... Мелодіей своей,
Плѣняя милой умъ, плѣнилъ и сердце въ ней;
Пѣлъ радостно — она веселье ощущала....
Пѣлъ счастіе любви — красавица вздыхала
И взоръ потупя свой, когда скончалъ пѣвецъ,

Краснѣяся, люблю! сказала наконецъ.
Алина, другъ души тобой плѣненной, страстной,
Уже ли богъ любви,—богъ милый и прекрасный,
Нигдѣ еще тебя одну не заставалъ,
И сердце никакой мечтой не обольщалъ?
Въ шестнадцать лѣтъ, собой украсивши природу,
Тебѣ ли счастьемъ звать обманчиву свободу?....
Нѣтъ счастья безъ любви!—Для хладнаго душой,
Казаться долженъ міръ могилою пустой!....
И чѣмъ тебя любовь Алина испугала?....
Оковы лишь изъ розъ она всегда сплетала;
Не тяжко — сладостно, вѣрь, цѣпь ея носить;
Неволя съ ней милѣй свободы можетъ быть!

Вас. Головинъ.

XIV.

ОДИНОЧЕСТВО.

(*Изъ Ламартина*).

Какъ часто на горѣ, подъ сѣнію дубовъ,
Сижу задумчивый и грустью омраченной;
И взоръ блуждаетъ мой по зелени луговъ,
Вечернимъ солнцемъ озаренной.

* * *

Здѣсь быстрая рѣка волнуется, шумитъ
И вьется въ синевѣ за мрачными лѣсами;
Тамъ озеро въ дали, какъ зеркало стоитъ
И Весперъ блещетъ въ немъ лучами!

* * *

Уже мерцающей зари послѣдній свѣтъ
Верьхи туманныхъ горъ уныло озаряетъ,
И блѣдный ликъ луны задумчиво встаетъ
И холмы дальны осребряетъ.

* * *

Межь тѣмъ, исторгшися изъ башни вѣковой,
Священный, тихій звукъ въ долинѣ отозвался:
Прохожій слушаетъ, склонясь на посохъ свой; —
И день съ заботой миновался.

* * *

Но, ахъ! въ душѣ моей уже восторговъ нѣтъ:
Все мертво для нее, всѣ прелести увяли!
Какъ безпріютна тѣнь, взираю я на свѣтъ,
Я — жертва рока и печали!

* *
*

Вотще съ холма на холмъ я взоръ бросаю свой,
И въ мысляхъ горестныхъ всѣ виды обтекаю;
Вотще прелестный міръ открытъ передо мной;
Нигдѣ отрады не встрѣчаю!

* *
*

Къ чему сіи луга, чертоги, хижинъ кровъ?
Ихъ прелесть для меня на вѣки улетѣла!
Къ чему сіи скалы, долины, сѣнь лѣсовъ? —
Земля безъ друга опустѣла!

* *
*

Туманы ль въ небесахъ, иль ясный день блеститъ; —
Отъ дней я ничего себѣ не ожидаю!
Встаетъ ли царь свѣтилъ, иль къ западу спѣшитъ;
Увы! его не примѣчаю!

* *
*

Все, все отверженнымъ предстало бъ предо мной,
Хотя бы въ слѣдъ за нимъ повсюду я стремился:
Желанья умерли, любимыя душой! —
Весь міръ въ пустыню превратился!

* *
*

Почто жь я не могу, оставя дольный прахъ,
О милая души! тамъ встрѣтиться съ тобою?
Почто еще мой духъ живетъ въ земныхъ цѣпяхъ?
Уже весь свѣтъ оставленъ мною!

* *
*

Когда листъ падаетъ, поблекшій отъ вѣтвей,
Вечерній вѣтръ встаетъ и мчитъ его съ долины!
И я, и я какъ листъ!.... Умчи жь меня скорѣй,
О часъ желанныя кончины!

Волковъ.

XV.

ЗЕМЛЯ БЕЗГЛАВЦЕВЪ.

Ты знаешь, любезный другъ, что я на своемъ вѣку довольно путешествовалъ: часть моихъ странствованій тебѣ извѣстна; другую я отлагалъ сообщить тебѣ, опасаясь, что даже ты, увѣренный въ моей правдивости, сочтешь ее, если и не ложью, по крайней мѣрѣ произведеніемъ разстроеннаго, больнаго воображенія.

Но недавно возвратился въ Москву мой пріятель — Лейтенантъ М... онъ столько мнѣ разсказывалъ чудеснаго объ Сибири, объ мамонтовыхъ рогахъ и костяхъ, объ Шаманахъ и Сѣверномъ сіяніи, что нѣсколько ободрилъ меня на счетъ моего собственнаго путешествія. Къ тому жь на дняхъ я перечелъ всему свѣту извѣстныя, дивныя, но справедливыя похожденія Англичанина Гулливера. Уже ли въ моемъ повѣствованіи встрѣтишь болѣе невѣроятностей?

Въ мою бытность въ Парижѣ однажды Апрѣля...аго дня 1821, въ прекрасный, весенній день изъ улицы Св. Анны, гдѣ жилъ, отправился я на гулянье. Тогда праздновали кре-

стины Дюка Бордосскаго. Въ числѣ затѣйниковъ, тѣшившихъ зѣвакъ полей Элисейскихъ, нашелся воздухоплаватель, преемникъ Монгольфьера: Я набрелъ на толпу, окружавшую его. Онъ готовился подняться и вызывалъ кого нибудь изъ предстоящихъ себѣ въ сопутники. Друзья мои — Парижане не трусы, но на сей разъ, что-то колебались. Подхожу, спрашиваю о чемъ дѣло и предлагаю смѣльчаку свое товарищество. Мы сѣли, взвились и въ два мига огромный Парижъ показался намъ муравейникомъ. Какъ описать чувство гордости, радости, жизни, которое тогда пролилось въ меня! исчезло для меня все низменное; я воображалъ себя духомъ безплотнымъ. Казалось для меня осуществились мечты одного изъ Пиѳагоровыхъ послѣдователей: „по смерти буду бурею, съ „конца земли пронесусь въ конецъ земли; „душа моя обрѣтетъ языкъ въ завываніяхъ, „найдетъ тѣло въ океанахъ воздуха! или „нѣтъ, буду звѣздою вовѣкъ восходящею: „ни время, ни пространство не удержитъ „меня; воспарю и не будетъ предѣловъ мо„ему паренію!"

Усилія моего вожатаго спустить челнокъ прервали мои сладостныя думы и видѣнія: газъ, исполнявшій шаръ, былъ необы-

кновенно тонокъ и легокъ; мы поднялись на высоту необычайную, намъ дышать стало трудно: вдругъ обморокъ обуялъ обоихъ насъ. Когда очнулся, я увидѣлъ страну мнѣ во все неизвѣстную: по горло въ пуху лежалъ я возлѣ Француза, не пришедшаго еще въ чувство; челнокъ нашъ носился надъ нами, игралище вѣтровъ. Мало по малу мы встрепенулись, и стали спрашивать другъ у друга, гдѣ мы? „Ma foi, je ne le sais pas!" воскликнулъ наконецъ мой вожатый. Мы находились уже не на землѣ; перелетевъ въ безпамятствѣ за предѣлы, гдѣ еще дѣйствуетъ ея притяженіе, мы занеслись въ лунный воздухъ, потеряли равновѣсіе и наконецъ выпали въ пухъ мѣсячный, который, будучи не въ примѣръ гуще и мягче нашей травы, не далъ намъ разбиться въ дребезги.

Съ товарищемъ другаго племени, быть можетъ, я бы впалъ въ крайнее малодушіе; но Французъ никогда не унываетъ. „Courage, courage, Monsieur!" повторилъ онъ нѣсколько разъ. Я вспомнилъ наше родимое *небось*, поручилъ себя Богу и отправился съ своимъ сопутникомъ искать похожденій и счастія!

Вскорѣ прибыли мы въ довольно большой городъ, обсаженный пашкетовыми и пряничными деревьями. Мы узнали, что ето Акардіонъ, столица многочисленнаго народа Безглавцевъ. Онъ весь былъ выстроенъ изъ ископаемаго леденца; его обмывала рѣка Лимонадъ, изливающаяся въ Щербетное озеро.

Ни слова, любезный другъ, о произведеніяхъ сей страны: отъ части достопримѣчательности оной изгладились изъ моей памяти, отъ части столь чудесны, что покажутся тебѣ неправдоподобными. — Вспомни однако же, что луна не есть нашъ міръ подлунный.

Войдя въ городъ, Французъ остановилъ обывателя и попросилъ намъ указать гостинницу.—Къ моему удивленію Безглавецъ его очень хорошо понялъ и вступилъ съ нами въ разговоръ. Товарищъ мой клялся, что слышитъ самое чистое Парижское нарѣчіе; мнѣ показалось, что Безглавецъ говоритъ по Русски. Мы отобѣдали, сняли со стола, слуги вышли и я спросилъ своего спутника: „Какъ и чѣмъ мы расплатимся?" Il faut voir!—отвѣчалъ безпечный клевретъ похожденій моихъ. — Входитъ мальчикъ и на вопросъ мой отвѣчаетъ: „пятьдесять

палочныхъ ударовъ и четыре пощечины, которыя принять отъ васъ немедленно явится самъ хозяинъ. — Надѣюсь, что и меня, сударь, вы потрудитесь надѣлить пинкомъ или оплеухою!" — Мы расплатились. „Скажи!" — спросилъ я потомъ у содержателя гостинницы, — „какимъ образомъ въ вашемъ городѣ вы всѣ знаете языки нашихъ отечествъ?" — „Не мудрено, Милостивый Государь," — отвѣчалъ онъ мнѣ: „Акефалія граничитъ съ Бумажнымъ Царствомъ, съ областями человѣческихъ познаній, заблужденій, мечтаній, изобрѣтеній! — Мы отдѣлены отъ нихъ только чернильною рѣкою и стѣною картонною!" По сему извѣстію я тотчасъ рѣшился туда отправиться, ибо Акефалія и въ особенности столица Акардіонъ стали мнѣ уже съ перваго взгляда ненавистными. — Разсуди самъ, другъ мой: не правъ ли я?

Большая часть жителей сей страны безъ головъ: болѣе половины безъ сердца. — Зажиточные родители къ новородившимся младенцамъ приставляютъ наемниковъ, которые до двадцатилѣтняго ихъ возраста подпиливаютъ имъ шею и стараются вытравить сердце: они въ Акефаліи называются воспитателями. Рѣдкая выя мо-

жетъ устоять противъ ихъ усилій; рѣдкое сердце вооружено на нихъ довольно крѣпкою грудію.

Я вспомнилъ о своемъ отечествѣ и съ гордостью поднялся на цыпочки, думая о преимуществѣ нашего Русскаго воспитанія передъ Акефалійскимъ: мы ввѣряемъ своихъ дѣтей благочестивымъ, умнымъ иностранцамъ, которые, хотя ни малѣйшаго не имѣютъ понятія ни объ нашемъ языкѣ, ни объ нашей Святой вѣрѣ, ни о прародительскихъ обыкновеніяхъ земли нашей, но всячески силятся вселить въ нашихъ юношей привязанность ко всему Русскому.

Одной черни въ Акефаліи позволено сохранять сердце и голову, совершенно излишнія по ихъ мнѣнію части тѣла человѣческаго: — но и самые простолюдимы силятся сбыть ихъ съ рукъ и по большой части успѣваютъ въ своихъ покушеніяхъ.

Естествоиспытатель безъ сомнѣнія изъ примѣра Акефалійцевъ сталъ бы выводить весьма глубокомысленныя опроверженія предразсудка, что для существованія необходимы голова и сердце: я человѣкъ темный и не въ состояніи вдаваться въ слишкомъ отвлеченныя умозрѣнія. Раз-

сказываю только, что видѣлъ. Одно меня поразило: съ потерею головы сей народъ становится весьма остроумнымъ и краснорѣчивымъ; Акефалійцы не только не теряютъ голоса, но, будучи всѣ чревовѣщателями, приобрѣтаютъ напротивъ необыкновенную быстроту и легкость въ разговорахъ; одно слово перегоняетъ у настоящихъ Безглавцевъ другое; Каламбуры, Епиграммы, нѣжности въ запуски бѣгутъ и подобно шумному, неизсякному водопаду извергаются и потрясаютъ воздухъ. — „Посему,“ скажешь ты — „ихъ Словесность безъ сомнѣнія находится въ цвѣтущемъ состояніи!“ — Не ошибешься. Хотя я въ Акардіонѣ и не долго пробылъ, однако могъ замѣтить, что у нихъ довольно много Политическихъ и ученыхъ Вѣдомостей, Вѣстниковъ, модныхъ Журналовъ: племя Акардійскихъ Греевъ и Тибулловъ особенно велико; они составляютъ особенный легіонъ. — Между тѣмъ Елегіи одного нѣсколько трудно отличить отъ Елегій другаго: они всѣ твердятъ одно и тоже; всѣ грустятъ и тоскуютъ о томъ, что *дважды два—пять*. — Ета мысль конечно чрезвычайно нова и поразительна; но подъ ихъ перомъ уже нѣсколько обветшала,

по крайней мѣрѣ такъ увѣрялъ меня одинъ изъ знатоковъ ихъ Поэзіи.

Какъ истинный сынъ Отечества, я порадовался, что наши Русскіе Поэты выбрали предметъ, который не въ примѣръ богаче: съ семнадцати лѣтъ у насъ начинаютъ разсказывать про свою отцвѣтшую молодость; наши Стихотворенія не обременены ни мыслями, ни чувствами, ни картинами; между тѣмъ заключаютъ въ себѣ какую-то неизъяснимую прелесть, непонятную ни для читателей, ни для сочинителей; но всякій не Славянофилъ, всякій человѣкъ со вкусомъ восхищается ими.

Избавившись отъ головъ и сердецъ, Акефалійцы получаютъ ненасытную страсть къ палочнымъ ударамъ, которые составляютъ ихъ текущую монету; сею жаждою мучатся почти всѣ: старцы и юноши, мущины и женщины, знатные и незнатные. — Впрочемъ, — что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай; но безглавцы омерзѣли мнѣ по своему нелѣпому притворству: они безпрестанно твердятъ о головахъ, которыхъ не имѣютъ, о добротѣ своихъ сердецъ, которыми гнушаются. —

Получающіе самые жестокіе побои, ищущіе ихъ вездѣ, гдѣ только могутъ, утверждаютъ, что ихъ ненавидятъ.

Я оставилъ своего товарища въ Акардіонѣ и на другой день рано по утру отправился къ предѣламъ Бумажнаго Царства.

В. Кюхельбекеръ.

(Продолженіе когда нибудь).

XVI.

ЕРОТЫ.

Ероты между розъ и лилій,
Играли, рѣзвились, шалили.
„Что, братцы, не пора ли намъ,"
Сказалъ одинъ — „къ другимъ цвѣтамъ?"
— Куда?—„Куда! ну, всѣ за мною!"
Сказалъ Еротъ Еротовъ рою.
Малютки въ легкій хоръ свились
И прямо къ Лилѣ понеслись.
Тутъ всякой прятался, тѣснился:
Тотъ къ шеѣ млечной пріютился,
Тотъ на малиновыхъ губахъ,
А тотъ на розовыхъ щекахъ.
Иной качался на рѣсницѣ,
Другой игралъ златой косицей!
Одинъ нарочно выжидалъ....
„Усѣлись! дай же,"— онъ шепталъ,
„Я пріютюсь къ живой лилеѣ,
О! тамъ мнѣ будетъ веселѣе!"
И опустясь на бѣлу грудь,
Не смѣлъ отъ радости дохнуть.

Раичъ.

XVII.

НОВАЯ НИНА (*).

Тоска души осиротѣлой
Мое все благо на земли:
Веселье Нины отлетѣло,
И розы счастья отцвѣли.

* *
*

Съ слезами я зарю встрѣчаю,
Въ томленьи провожу весь день,
И сна отраднаго не знаю,
Когда падетъ ночная тѣнь.

* *
*

Все жду его — и жду напрасно!
Къ нему призванья не дойдутъ;
Онъ палъ, онъ въ битвѣ палъ ужасной....
Умершіе не возстаютъ!

* *
*

Ахъ! для чего объятья славы
Моей любви ты предпочелъ?
За чѣмъ, о Викторъ, въ бой кровавый
Одинъ безъ милой полетѣлъ?

(*) Содержаніе сей пѣсни заимствовано изъ одного происшествія, случившагося въ отечественную войну 1812 года.

Тамъ вмѣстѣ бы насъ смерть сразила,
Сплетя вѣнецъ супружнiй намъ, —
И съ другомъ мрачная могила
Былабъ для Нины свѣтлый храмъ.

* *
*

Теперь оставленна въ страданьѣ,
Скитаюсь въ мiрѣ сиротой;
Одна всѣмъ рѣчь, одно стенанье:
Гдѣ Викторъ мой? гдѣ Викторъ мой?....

* *
*

И голосъ скорби ужь слабѣетъ,
Краса увяла юныхъ лѣтъ,
Разсудокъ гаснетъ, взоръ темнѣетъ —
Ни мыслей, ни желанiй нѣтъ!

* *
*

Но близокъ часъ! тоска губитель
Разсторгнетъ цѣпь печальныхъ дней:
Прими меня въ свою обитель,
Прими, о Викторъ мой, скорѣй!

С. Н.

XVIII.

Р . . . . . В У.

Люби и пой, товарищь мой,
Богатой юности былое,
На полѣ чести славный бой,
Любви победы надъ собой
И все для сердца дорогое.
Ты помнишь первый нашъ бивакъ
Подъ свѣтлымъ заревомъ, въ дубравѣ,
И къ первой битвѣ данный знакъ
И мысль неопытныхъ о славѣ!
И жизнь, въ обманчивой красѣ,
Ея мишурныя игрушки,
Минуты радостныя всѣ
И образъ миленькой пастушки;
Ты помнишь мѣсто въ первый разъ,
Куда волшебница явилась,
И гдѣ душа воспламенилась
Огнемъ ея прелестныхъ глазъ.

Пусть измѣнитъ любовь и время,
И умъ и память отлетятъ:
Влача безжизненности бремя,
Ты будешь все еще богатъ....

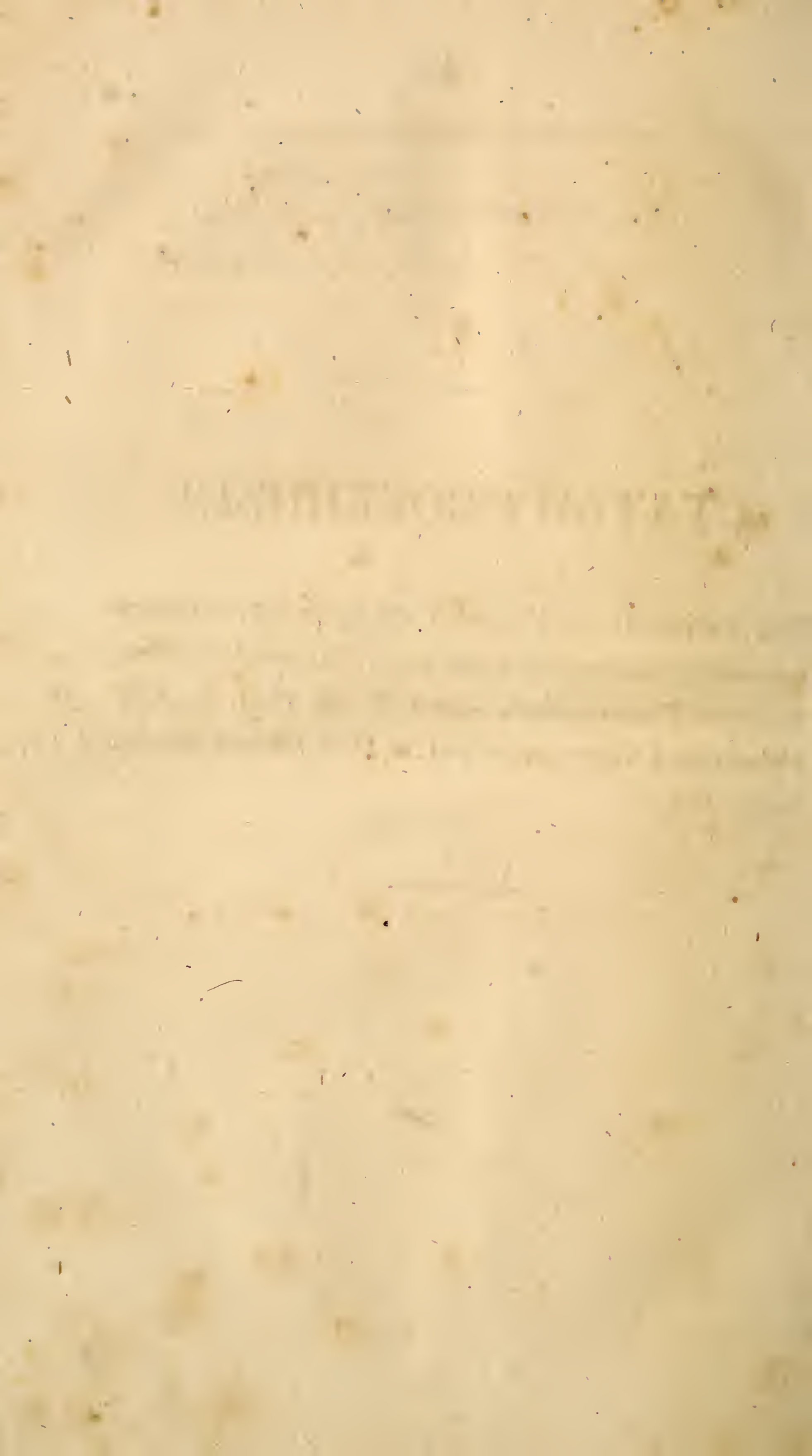
Онѣ пойдутъ съ тобой до гроба —
Твои прекрасныя мечты,
И вы умрете вмѣстѣ оба —
Воспоминанія и — ты!

Коншинъ.

СТАТЬИ ОСОБЕННЫЯ

Qui palpitent de l'interèt du moment, какихъ неотступно требовалъ отъ Издателей Мнемозины Рецензентъ оной Г. В. (См. № XIV Новостей Литературы и II-й части Мнем. стр. 165).

XIX.

Отвѣтъ Господину С....., на его Разборъ I части Мнемозины, помѣщенный въ XV No Сына Отечества.

Не знаю, кѣмъ писанъ помѣщенный въ XV номерѣ Сына Отечества Разборъ первой части, издаваемой нами Мнемозины. — Не смотря на то, что нѣкоторыя мнѣнія сочинителя сей статьи, какъ мнѣ кажется, несправедливы,—я не подозрѣваю его ни въ *личномъ*, ни *мѣстномъ пристрастіи* (*) (предубѣжденіи?) и потому-то считаю пріятною для себя обязанностію отвѣчать ему.

Начну съ признанія. — Строго Г. С.... судитъ о наружномъ видѣ Мнемозины; но къ несчастію — — — —

On fait ce qu'on peut,
Et ne pas ce qu'on veut!

Въ слѣдъ за симъ грознымъ приговоромъ, сказавъ о *Старикахъ Острова Пан-*

(*) Слова Г. С....

хаи Кн. Одоевскаго, что мысль, служащая основаніемъ сей статьи весьма остроумна; что въ ней есть счастливыя выраженія и вѣрныя замѣчанія, Г. Рецензентъ спрашиваетъ:

,,Когда же складны сны бываютъ?"

Такимъ вопросомъ, по моему мнѣнію, не должно бы оканчиваться сужденіе о статьѣ, достоинство коей признаетъ самъ Г. Рецензентъ.

Далѣе: разбирая мое описаніе Дрезденской Галлереи, онъ предполагаетъ, что художникъ можетъ изобразить: *идеалъ безобразія.* Что такое идеалъ безобразія? Не тоже ли равно, что *свѣтлая темнота* или *знойный морозъ*?

Г. Рецензентъ находитъ слишкомъ рѣшительнымъ мой приговоръ, что Рубенсъ лишенъ всякой прелести. — Увѣренъ, что въ моемъ обозрѣніи Дрезденской Галлереи много ошибочнаго, много незрѣлаго, увѣренъ, что теперь на картины, составляющія сіе собраніе, я самъ смотрѣлъ бы совершенно другими глазами; — отпечаталъ же я свою статью именно для того, чтобы она встрѣтила просвѣщенныхъ, умныхъ противниковъ и чтобы тѣмъ обратила вниманіе нашихъ Литтераторовъ и путеше-

ственниковъ на теорію Изящныхъ Искуствъ вообще и живописи въ особенности. — Но дабы убѣдить меня въ томъ, что и Рубенсъ можетъ быть *прелестнымъ*, Господину Рецензенту, кажется, надлежало бы привесть другія доказательства, а не указать мнѣ на такъ называемую Исторію Маріи де Медичи — рядъ сухихъ, холодныхъ, иносказательныхъ картинъ, находящихся въ Луврской Галлереѣ, произведеній, достойныхъ примѣчанія — по одной своей огромности.

Г. Рецензентъ спрашиваетъ, гдѣ я нашелъ, что краски Рембранта мутны и увѣряетъ, что въ нѣкоторыхъ портретахъ, находящихся въ Санктпетербургской Эрмитажной Галлереѣ, онъ, т. е. Рембрантъ, блистаетъ *всею* (?) *свѣжестью*, *не смотря на разстояніе вѣковъ* (?), *которые не могли* его *потемнить въ своемъ полетѣ* (?). Галлерею Дрезденскую помню лучше Санктпетербургской Эрмитажной, ибо по моемъ возвращеніи изъ-за границы не удалось мнѣ вновь посѣтить сію послѣднюю. — И такъ, быть можетъ, Г. Рецензентъ правъ; но онъ забываетъ, что говорю о Дрезденѣ, а не о Санктпетербургѣ; объ Историческихъ картинахъ, а не о лиценачертаніяхъ (*лице-*

начертанія — съ позволенія Г. Рецензента).

Долгъ платежемъ красенъ; на вопросы Г. Рецензента осмѣлюсь и я предложить ему вопросъ: гдѣ Г. Рецензентъ нашелъ, что нахожу больше прелести въ картинахъ Альберта Дюрера и Луки Кранаха, нежели во всѣхъ произведеніяхъ Фламандской школы?

Въ отношеніи *къ искусству*, *прелести*, *обдѣлки*, говорю (на стр. 78 Мнем.) что лучшее мною видѣнное произведеніе старинной Нѣмецкой школы, Мадонна Гольбейна *можетъ* выдержать сравненіе съ картинами лучшаго времени Нидерландской школы: гдѣ же тутъ предпочтеніе? — Что же касается до *Поэзіи*, до *души*, ето иное дѣло! Чувства, теплоту и вдохновеніе — истинныя, главныя достоинства прямой Поэзіи — я точно въ самыхъ безобразныхъ созданіяхъ Луки Кранаха и Альберта Дюрера встрѣчалъ чаще, нежели въ большей части *выглаженныхъ*, *вычищенныхъ* порожденіяхъ Фламандской кисти.

Г. Рецензентъ недоволенъ моимъ слогомъ; странно было бы отвѣчать: вы ошибаетесь, Г. Рецензентъ, слогъ мой хорошъ! И такъ, ограничиваюсь только объявленіемъ, что въ I-ю часть нашего изданія вкралось безъ

нашей вины множество опечатокъ. Это насъ конечно не оправдываетъ и не можетъ оправдать въ глазахъ нашихъ читателей, которымъ наши обстоятельства неизвѣстны и которымъ до нихъ нѣтъ никакой нужды. — Сверхъ того, Г. Булгаринъ говоритъ, что на счетъ опечатокъ можно отнести *многое*: и точно смѣшно бы было назвать опечатками всѣ погрѣшности, встрѣчающіяся въ нашей Мнемозинѣ. — Впрочемъ не сомнѣваюсь, что благонамѣренный (въ *истинномъ* смыслѣ сего слова) Рецензентъ мой, помѣстившій свою критику въ Сынѣ Отечества, повѣритъ мнѣ, что *раковидная* вмѣсто раковинная, *полеты* вмѣсто *портреты*, *сынове* вмѣсто *сыны* точно и ничто иное, какъ опечатки.

Наконецъ я долженъ извиниться передъ своими читателями, что въ своемъ отвѣтѣ на Разборъ Господина С.... столько говорю о самомъ себѣ: самъ почтенный мой Рецензентъ подалъ мнѣ къ тому поводъ, ибо распространяется всего болѣе объ моихъ статьяхъ.

Еще упомяну, что Господинъ С.... говоря объ отрывкахъ изъ прекрасной Комедіи Князя Шаховскаго, спрашиваетъ для чего въ оныхъ встрѣчаются слова трудныя

для выговора и для понятія, на примѣръ: *нелжевѣтныя уста?*—*Нелжевѣтный*—слово *по моему мнѣнію* весьма понятное, — пріятное слуху, а для выговора ни мало не затруднительное.

Въ заключеніе благодарю Господина С.... за его Разборъ строгій, но умный, безпристрастный, писанный со всѣмъ благородствомъ, долженствующимъ отличить истиннаго Литтератора отъ Аристарха въ родѣ тѣхъ, изъ которыхъ одинъ въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду также разбиралъ Мнемозину, или, лучше сказать, всячески силился изковеркать, изуродовать и обругать ее. Впрочемъ, я не рѣшусь для забавы доброхотной Публики, унизить себя перебранкою съ Господиномъ В. Кто бы онъ ни былъ: явное его недоброжелательство и безъ того за меня вооружается!

В. Кюхельбекеръ.

XX.

Письмо въ Москву къ В. К. Кюхельбекеру.

Село Никольское.

Вѣкъ новой—вкусъ другой! *художники-тираны*
Теперь вездѣ творятъ *пригорки и курганы!*

говоритъ Г. Воейковъ, въ своемъ *знаменитомъ* переводѣ Садовъ *знаменитаго* Делиля!

Битыхъ два часа повторялъ я сіи истинно піитическіе стихи, получивши отъ тебя, любезный другъ, письмо и XIV No *животрепящихъ* (*) (qui palpitent de l'interèt du moment) *Новостей Литературы*, издаваемыхъ Г. Воейковымъ. И подлинно! — Теперь не то, что въ старину бывало! теперь попробуй кто-либо, еще не пріобрѣвшій *знаменитости* или, что все равно, *знаменитыхъ друзей*, пуститься съ какимъ-либо изданіемъ въ рукахъ — на поприще славы, то разомъ и запнется о какую-нибудь *кучу* мусора!

Впрочемъ дѣло не въ томъ. Статью Г. В. о Мнемозинѣ я читалъ моимъ добрымъ

(*) Терминъ техническій рыбныхъ торговцевъ; правильнѣе: животрепещущій.

сосѣдямъ и старому дядькѣ моему Дмитрію, который, подобно многимъ нашимъ Литературнымъ Судіямъ, хотя ничего не смыслитъ и ничего не читаетъ, но о всемъ судить любитъ и почитаетъ себя весьма ученымъ потому, что много на своемъ вѣку разрѣзалъ листовъ въ моихъ книгахъ. Должно признаться, что ета статья всѣмъ чрезвычайно полюбилася, — а особливо моему дядькѣ Дмитрію — (онъ въ ней находилъ какую-то чудную Аналогію съ своимъ образомъ мыслей и выраженій); — ибо едва я окончилъ, какъ всѣ обратилися на насъ съ тобою и на изданную нами Мнемозину: одинъ твердилъ объ *опечаткахъ*, другой объ *картинкахъ*, третій объ *обверткѣ*, четвертый о *форматѣ*: мнѣ показалося, что меня окружаютъ олицетворенные Журналы. Я принялся толковать етимъ господамъ, что не должно всему *печатному* вѣрить; доказывалъ, что всякой можетъ ошибаться — уже начиналъ было убѣждать ихъ, какъ проклятой мой Дядька, желая показать свою начитанность, воскликнулъ:

,,Нѣтъ! напечатанное въ *Новостяхъ Литературы* не можетъ быть ни дурно, ни несправедливо!"

— Почему такъ! — спросилъ я съ изумленіемъ.

„Потому, что ихъ издаетъ Г. *Воейковъ*, а онъ въ прошедшемъ, помнится, году, объявилъ, что всѣ *его мысли блещутъ остротою и свѣжестію* — — —"

— Ничего не бывало! гдѣ же это? —

„Въ *Посланіи къ Женѣ и Друзьямъ*, напечатанномъ *въ Сынѣ Отечества*" — торжественно сказалъ мой Дядька, какъ бы удивляясь своей необыкновенной памяти.

Сосѣди мои снова на меня вооружились. Снова заговорили о своей довѣренности къ печатному!—Тщетно я представлялъ имъ, что *хвалить себя* есть не иное что, какъ обрядъ, необходимый при полученіи *знаменитости* — и что въ глуши только можно почитать это чѣмъ либо другимъ, а не обрядомъ, что такъ наприм: *даже* ужь и другой извѣстный Писатель объявилъ вселенной посредствомъ восхитительнаго Дамскаго Журнала (*), что никто не мо-

(*) Кажется въ 9 номерѣ. Я спрашивалъ у подписчиковъ, на Дам. Жур. но всѣ они отказалися удовлетворить моему любопытству. У всѣхъ листы номеровъ сего Журнала были не разрѣзаны: а я не могу сказать къ кото-

жетъ превзойти его въ искусствѣ писать и въ знаніи языка Русскаго; что ето объявленіе почтено вещію столь обыкновенною, что никто даже не замѣтилъ его. Ты догадаешься, любезный другъ, что я не сказалъ имъ ни слова, отъ чего такого рода объявленіе никому не показалося страннымъ — а то бы еще болѣе простодушные мои сосѣди утвердилися въ мысли, что на право *хвалить себя дается привиллегія!*

Долго продолжался споръ; я уже начиналъ ослабѣвать, — какъ вдругъ добродушному Дядькѣ моему — жаль меня стало; онъ съ ироническою улыбкою замѣтилъ нижеслѣдующія обстоятельства: 1) что Мнемозину бранятъ безъ пощады только въ двухъ Журналахъ, хотя отличныхъ и образцовыхъ: въ Новостяхъ Литературы, издаваемыхъ Г. Воейковымъ и въ восхитительномъ *Дамскомъ Журналѣ*, издаваемомъ Кн. Шаликовымъ. 2) Что въ Невскомъ Зрителѣ ты (Кюхельбекеръ) критиковалъ стихи Г. Воейкова, а я грѣшный въ Вѣст-

---

рому именно номеру принадлежитъ папильотка дамы, на которой я читалъ выше сказанное объявленіе. О д.

никѣ Европы издѣвался надъ Дамскимъ Журналомъ; наконецъ 3) что стрѣлы критики Новостей Литературы обращены въ особенности на тебя, а обвитыя фіалками булавки и шпилки *Дамскаго Журнала* пронзаютъ мое нѣжное, чувствительное сердце.

„Прочь подозрѣнія!" воскликнулъ я съ досадою — „я увѣренъ, что критики пишутся единственно для пользы Словесности, а не для удовлетворенія мѣлочному мщенію."

Ети слова снова заставили моихъ сосѣдей возстать на меня.

Не даромъ говоритъ одинъ знаменитый Писатель:

„Мѣняетъ водоскатъ характеръ иногда!"
См. Сады Делиля, пер. Г. Воейкова П. 3, стр. 96 ст. 19).

Едва вооружились на меня сосѣди, какъ и Дядька мой къ нимъ присоединился; они столько кричали, столько находили недостатковъ въ Мнемозинѣ, что я хотя и Издатель оной, но былъ почти убѣжденъ ими; и руководимый безпристрастіемъ, которое, какъ извѣстно въ наше время есть господствующая добродѣтель Журналистовъ, вознамѣрился пожурить тебя поряд-

комъ. — Увѣренъ, что ты по благородству души твоей, за которое поручится Издатель *Литературныхъ листковъ* (смот. No 5, стр. 135), не разсердишься на меня за это.

Начну съ того, что ты не умѣешь писать критикъ; такъ наприм., когда ты разбиралъ въ Невскомъ Зрителѣ *извѣстные знаменитые* стихи, то просто указывалъ на безсмыслицу, на наборъ словъ, на недостатокъ Поэзіи.

Милый другъ, такъ ли пишутъ нынѣ Рецензіи. Загляни въ 14 номеръ Новостей Литературы и полюбуйся! Тамъ не по твоему! тамъ изъ твоихъ піесъ выбраны фразы, большая часть изуродованы, или которыя отдѣльно не имѣютъ никакого смысла, даже смѣшны, а иныя и просто не смѣшны; да въ низу подъ ними торжественно и поставлено: „*Вотъ ошибки противъ того и того!!*"

Далѣе: какъ тебѣ вздумалось согласиться на мое предложеніе издать Мнемозину въ 4 частяхъ, когда въ Германіи всѣ Альманахи бываютъ въ одномъ. Ты мнѣ скажешь на это: „Мнемозина не Альманахъ, мы брали только *составъ* и *разнобразіе* Альманаховъ въ образецъ нашему

собранію, а совсѣмъ не наружной ихъ видъ." (*) Но мой Дядька и Г. В. толкуютъ другое: за чѣмъ Мнемозина не издана точь въ точь такъ, какъ издаются Альманахи въ Германіи?—Развѣ ты забылъ, что подражаніе чужеземцамъ должно быть цѣлію всякаго истиннаго Литератора - не Славянофила! напримѣръ Французы ударились въ Дидактическій родъ и мы за ними, переводимъ *Сады*, сами перекладываемъ всѣ *Науки* и *Искусства* въ вирши и въ етомъ, должно признаться, шагнули мы далѣе иностранцевъ: у нихъ только Дидактическая, а у насъ есть и *Географическая* и *Статистическая* Поэзія; сему примѣромъ могутъ служить слѣдующіе прекрасные стихи въ образцовомъ Посланіи къ моему Другу-воспитаннику сочиненія Г. Воейкова (Вѣстникъ Европы 1818 года, № 12, стр. 265):

Тамъ Браминскій пагодъ и подлѣ храмъ Армянской;
И церковь Лютеранъ
Съ мечетью тамъ Магометанской;
Тамъ церкви Греко-Россіянъ

(*) Въ такомъ родѣ была издана Аглая Г. Карамзинымъ; а въ Мнемозинѣ только прибавлены ноты и картинки.

В сосѣдствѣ съ церквой *Католицкой* (?)
Съ Гернгутерской стоятъ;
Часовня старовѣрцевъ въ рядъ
Съ кибиткой идоловъ Калмыцкой

или:

Съ какою сладостью бросалъ я жадный взглядъ
На пестрое сіе собраніе Лезгинцевъ,
Хивинцевъ, Калмыковъ, Бухарцевъ, Кабардинцевъ,
Киргисъ-Кайсаковъ, Персіянъ,
Каракалпаковъ и Армянъ.
Грузинъ, Черкесъ, Татаръ, Индѣйцевъ и Дугорцевъ,
Уральцевъ и Донцовъ
И безпощадныхъ Черноморцевъ,
И страшныхъ хищныхъ Гребенцевъ!

(Тамъ же).

или:

На стогнахъ я встрѣчалъ гостей, купцовъ
Изъ четырехъ земли концовъ:
Французовъ и Американцевъ,
Евреевъ, Англичанъ,
И Грековъ и *Датчанъ* (?)
И черныхъ Африканцевъ.

(Тамъ же).

Ты спросишь можетъ быть, что за народъ *Датча́не* (вмѣсто *Да́тчане*), что за *Католицкая* церковь (вмѣсто *Католическая*) это ничего, стихотворныя вольности!

Ты часто толкуешь, что различіе слога *низкаго* отъ *высокаго* зависитъ единственно отъ того — *высоки, или низки мысли*, *имъ выражаемыя*; — мой Дядька и Г. В. утверждаютъ, что есть *слова низкія и высокія* (*) — наприм. ты разбирая Рубенсову картину: пьяный Геркулесъ въ сообществѣ Вакханта и Фавна — говоришь, что *по твоему мнѣнію* Геркулеса можно

(*) Словами *низкими* можно лишь назвать тѣ слова, которыя выражаютъ *низкія понятія*, *высокими* — напротивъ; но такихъ словъ весьма мало; большую часть словъ не льзя отнести ни къ тому, ни къ другому разряду, ибо *понятіе* каждаго слова опредѣляется понятіями словъ окружающихъ; такъ напр. слово *уцѣлѣть* въ выраженіи: *ягодка уцѣлѣла на деревѣ* — можетъ быть названо *низкимъ*, и напротивъ *высокимъ* въ выраженіи: *уцѣлѣть отъ руки сильнаго*. Слово осталося тоже, но перемѣнилася мысль, коего одежда — слогъ.

было представить въ веселомъ забвеніи отъ даровъ Вакховыхъ, но не въ скотскомъ униженіи; *Рубенсъ же* изобразилъ не Геркулеса, а *плотника, дикаря*, или *другаго мощнаго* сына земли, обезсиленнаго упоеніемъ. Подчеркнутыя слова, которыя одни и выставлены въ Разборѣ (брани?) Г. В. весьма смущаютъ моего Дядьку и Г. В.; они не могутъ повѣрить, чтобы такое сравненіе могло имѣть мѣсто въ письмѣ. — Нѣтъ! ты поучись у Г. Воейкова составлять сравненія. Какъ величественно сравниваетъ онъ въ I пѣсни Поэмы: Искусства и Науки (Смот. Вѣст. Евр. No 21) *Солнце* съ Царемъ, *Планеты* съ Придворными, а *Кометы* съ Послами, которые

. . . . Изъ міра въ міръ летятъ
И между сферами (?) союзъ (?) любви (?) крѣпятъ (?)

Вотъ истинная Поэзія!

Ты говоришь въ (нѣкоторыхъ) Стихотворцахъ много *воды*. Какая дерзкая метафора! — По дѣломъ гнѣваются на тебя за ето мой Дядька и Г. В. — Ты вѣрно вѣдь хотѣлъ намекнуть на нашихъ *Поетовъ-Географовъ!* О tempora! о mores! Таковы ли метафоры *нашего* Писателя. У него

. . . . . Смѣются тамъ луга
И улыбаются утесы — исполины!

См. Посл. къ Другу-Восп. Г. Воейк.

Прелестно! — Мнѣ кажется я вижу етотъ утесъ! какъ вылезаетъ онъ изъ за луга! какъ страшно *скалитъ зубы* на проходящихъ.

Должно признаться, что мнѣ весьма часто случалося видѣть *смѣхъ*, при чтеніи твореній Г. Воейкова; такъ наприм. какое счастливое выраженіе: (Смот. Сады Делиля, стр. 14).

Смѣется ананасъ, благоухаютъ розы.

Ужасно! *зубастый ананасъ* стоитъ *зубастаго утеса*.

Въ своемъ Путешествіи ты говоришь къ чему-то: *Идеалъ въ искаженномъ видѣ!* Завистники говорятъ, что ето точь въ точь Виргилій и Делиль въ переводахъ Г. Воейкова; но я, какъ ревностный почитатель сего Писателя, вмѣстѣ съ своимъ Дядькою и съ Г. В. не доволенъ симъ выраженіемъ.

Ты говоришь: *лакомая дѣвушка*; *жесткая школа* (говоря о живописи); *полуденные*

глазки. Жаль, что Г. В. не сказалъ почему именно не приличны сіи Епитеты — но они дурны, потому что ему, какъ равно и Дядькѣ моему, такъ хочется. — Вотъ что значитъ не читать сочиненій Г. Воейкова; у него найдешь:

. . . . . . и черныхъ змѣй
Узорныхъ ящерицъ и расписныхъ червей.

(Смот. Отрыв. изъ 1 пѣсни Поэмы Искуства и Науки).

Какая Поэзія!

У него же: найдешь и

Сіяющіе лучи и *темный мракъ* и проч. и проч. (Смот. 1821 Сынъ Отечества No 19, Отрывокъ изъ Поэмы Делиля: Воображеніе).

Пойдемъ далѣе: сколько у тебя Грамматическихъ ошибокъ! наприм. ты говоришь: „она (т. е. картина) *по мнѣ, одна изъ лучшихъ Рубенсовой кисти!*“ Въ словахъ *по мнѣ*, мой Дядька и Г. В. находятъ ужасную Грамматическую ошибку! Жаль, что они не могутъ объяснить какую. Ты скажешь, можетъ быть, что *по мнѣ* есть сокращеніе фразы: *по моему мнѣнію*; но такъ ли мой другъ сокращаютъ! Вотъ что зна-

читъ не читать сочиненій Г. Воейкова! загляни въ его образцовый переводъ Отрывка изъ IV пѣсни Поемы: Воображеніе; (Смот. 19 No Сына Отечества на 1821 годъ).

Тамъ ты найдешь:

Ревнивый къ знаніямъ, младой искусствъ *любитель* (*)
Въ немъ славу живопись, въ немъ счастье зрѣлъ родитель.
Горѣлъ желаньемъ въ сей хладный мракъ *сойтить* . . . .

Не говорю уже о достойномъ подражаніи словъ: *сойтить*, но обращу твое вниманіе на то, что въ семъ стихѣ

Въ немъ славу живопись, въ немъ счастье зрѣлъ родитель

для краткости, а не для стопы и родитель — *зрѣлъ*, и живопись — *зрѣлъ*; впрочемъ такіе прекрасныя сокращенія, столь смѣло возстающія противъ всякой Грамматики, часто встрѣчаются въ сочинені-

(*) Сирѣчь: *охотникъ*, какъ замѣчаетъ одинъ завистливый Критикъ.

яхъ Г. Воейкова; такъ говоритъ онъ въ первой пѣсни Поемы Искусства и Науки (*)

> Онѣ (т. е. Планеты) рабы Царя, а Царь законовъ ихъ;

т. е. и Планеты — *рабы* и Царь — *рабы.*

Ты говоришь: „недостатки его славнаго ученика *Вандейкъ.*" Видимая опечатка—ты скажешь. Такъ! но ета опечатка сдѣлана

> ..... Во время, въ пору, къ стати —

Ибо замѣнять Родительный падежъ Именительнымъ и вообще смѣшивать всѣ падежи, етотъ обычай давно уже введенъ въ нашу Словесность *знаменитымъ* нашимъ Писателемъ. У него ты найдешь въ послѣднемъ и слѣдственно лучшемъ его произведеніи (**)

> Старикъ скорбитъ душой о юныхъ дней утратѣ;
> И зря, что лишній онъ на сценѣ сходитъ съ ней
> И ничего не ждетъ отъ *время* и людей.

(*) Вѣстникъ Европы 1818 года No 21.

(**) См. Отрывокъ изъ Поемы: Воображеніе соч. Делиля, переводъ Г. Воейкова въ Новост. Литер. 1824 No 16.

По неволѣ подумаешь тутъ, что *время* въ Именительномъ: *времь*. Вотъ какими словами обогащаютъ Словесность наши Писатели.

Тамъ же у Г. Воейкова найдешь:

У жизни на пиру Богами приглашенный,
Гость запоздалый брашнъ вкуснѣйшихъ пресыщенный

вмѣсто: *пресыщенный вкуснѣйшими брашнами*. Не говорю уже о чудной гармоніи выраженія: *брашнъ вкуснѣйшихъ пресыщенный*; оно напоминаетъ Польскую скороговорку:

Хрснжъ брнжы въ трщцинѣ!

Ты говоришь: „*дочь нѣкотораго тамошняго живописца*.“ Плеоназмъ! восклицаетъ мой ученый Дядька. Ты скажешь может быть, что при *тамошнемъ* необходимо слово *нѣкоторый*, ибо иначе можно подумать, что *тамъ* только *одинъ* и былъ этотъ *живописецъ*. — Но моего Дядьку и Г. В. не разувѣришь. Тщетно ты будешь толковать имъ, что есть цѣлыя Дидактическія Поэмы, которыя не что иное, какъ одинъ, но *огромный* Плеоназмъ!

Ты говоришь: „*здѣсь сражался Густавъ Адольфъ за свободу мыслей!*" ето выраженіе чрезвычайно не нравится моему Дядькѣ и Г. В. — Жаль, что они не могутъ объяснить почему.

Я уже сказалъ выше, что Г. В. находитъ какой-то *низскій слогъ*, составленный изъ какихъ-то *низкихъ словъ*; къ сему слогу онъ относитъ слѣдующее: *Псы залились лаемъ. Расположиться на житье. Земляки всѣ его знали. Онъ входилъ во всѣ причины.*

Напрасно Г. В. не предложилъ способа выразить сіи *мысли* слогомъ *высокимъ*, каковой напр. встрѣчаемъ въ переводѣ Отрывка изъ Поемы Воображеніе Делиля (*)

Тамъ найдешь:

. . . . . Сей пышный градъ снабжалъ
. . . . . Огромностію скалъ

или

И къ довершенію бѣдъ къ несноснѣйшей тоскѣ
Свѣтильникъ догорѣлъ почти въ его рукѣ . . . . .
. . . .
Какъ вдругъ за что-то онъ ногою зацѣпился!

(*) См. 19 No Сынъ Отечества 1821 года.

Теперь я намѣренъ съ тобою потолковать о маленькихъ невинныхъ хитростяхъ Г. В.: я уже имѣлъ случай упоминать о томъ, что фразы, взятыя изъ твоихъ піесъ, всѣ изуродованы (*); это правило Г. В. распространилъ и на всю Мнемозину.

Изъ прекрасной Комедіи *Аристофанъ*, выбраны стихи, отдѣльно неимѣющіе никакого смысла и нарочно поставлены вмѣстѣ, какъ будто бы они составляютъ нѣчто цѣлое; ты скажешь, что такое явное недоброжелательство не простительно, почти не возможно (**). Неправда, сударь!

(*) Вотъ примѣръ тому: въ Мнемозинѣ напечатано (стр. 79) „Въ одномъ только изображеніи Гольбейнъ принесъ жертву своему вѣку: въ длинной богатой бѣлой одеждѣ, — одна изъ дочерей Мейера обезображиваетъ нѣсколько цѣлое.“ — Благонамѣренный Г. В. перемѣнилъ знаки, слова и вышло вотъ что (См. 14 No Нов. Лит.): „въ одномъ только изображеніи Гольбейнъ принесъ жертву своему вѣку: въ длинной бѣлой одеждѣ. — Одна изъ дочерей Мейера обезображиваетъ *только цѣлое!*“ — Такъ поправлены и другія фразы.

(**) Кстати: прекрасная, оригинальная мысль нашего Комика — ввести различные метры въ Драмму не имѣетъ счастія нравиться Г. В.

Кн. Шаховской—одинъ изъ лучшихъ Писателей нашего времени, а статья Г. В. напечатана въ Новостяхъ Литературы.

Не правда ли, что ети хитрости напоминаютъ хитрость, нѣкогда употребленную самимъ Г. Воейковымъ; всѣмъ извѣстно его Посланіе, написанное Гекзаметрами, въ которомъ онъ хотѣлъ доказать невозможность на Русскомъ языкѣ тѣхъ стиховъ, которые намъ выдаютъ за *Гекзаметры.* Прелестно! Авторъ будто бы силится доказать красоту сего размѣра, а между тѣмъ нарочно составляетъ свое Посланіе изъ такихъ стиховъ, которые хоть кого, такъ заставятъ проклинать Гекзаметры. — Вотъ почему сіе Посланіе и помѣщено въ *Образцовыхъ Сочиненіяхъ.*

Pour faire un coup de maitre Г. В. оканчиваетъ наконецъ свои замѣчанія, или лучше сказать изуродованныя выписки изъ *Адо*, ибо, повторяю, Г. В. положилъ себѣ за правило, не отдавать отчета почему ему какое выраженіе нравится или не нравится. „Довольно!“ восклицаетъ онъ „*если бы выписать всѣ несо-*

Да какъ и нравиться! у Лагарпа и Батте о томъ хоть бы полслова! *О д.*

образности слога и проч. то надобно бы переписать всю Повѣсть." Ты назовешь эту фразу обветшалою и скажешь, можетъ быть, что не мудрено писать такія критики, въ которыхъ не сдѣлавши ни одного замѣчанія, которое было бы хотя на чемъ нибудь основано, окончить ее выше приведенною фразою; но я какъ ревностный почитатель всего того, что печатается въ Журналѣ Г. Воейкова, не могу удержаться, чтобы не сдѣлать подражанія оной фразѣ, и такъ:

Довольно! я скажу въ свою очередь: если выписать изъ статьи Г. В. всѣ мѣста, показывающія *глубокія знанія* и *дѣтское простосердечіе*, *любовь къ истинѣ* и *неподдѣланное остроумие*, тогда надобно будетъ переписать всю статью.

Заключимъ: убѣжденный словами Г. В., моихъ сосѣдей, а болѣе всего моего Дядьки, я совершенно увѣрился, что мы съ тобою не имѣемъ понятія о *истинной знаменитости* и о способахъ, которыми пріобрѣтаютъ ее: мы стараемся болѣе учиться, нежели блистать ложными знаніями; объявляемъ свои мнѣнія безпристрастно о *другѣ* и *недругѣ*, объ *извѣстномъ* Писателѣ и о *не-*

извѣстномъ (*); и думаемъ, что читая Греческихъ, Латинскихъ Классиковъ, если и заглядывать въ Лексиконъ, то должно въ Греческій или Латинскій. Не такъ поступаютъ въ наше время! Знаменитость приобрѣтаютъ *наборомъ словъ* въ полномъ смыслѣ сего выраженія, которымъ наполняютъ цѣлые Томы (и чѣмъ *толще* книга, тѣмъ обширнѣе *знаменитость*); переводятъ Виргилія и другихъ Классиковъ съ помощію — Французскихъ Лексиконовъ; раболѣпствуютъ предъ своими *знаменитыми друзьями* и бранятъ все прочее! — Съ такими спосо-

---

(*) Здѣсь кстати считаю замѣтить, что статья моя: *О направленіи нашей Поэзіи, въ особенности Лирической въ послѣднее десятилѣтіе*, гдѣ откровенно и можетъ быть слишкомъ откровенно говорю свое мнѣніе о сочиненіяхъ Жуковскаго, Пушкина и Баратынскаго (они всѣ трое друзья мои) — есть знакъ моего непритворнаго къ нимъ уваженія; ибо въ моихъ глазахъ, строгаго разбора стоятъ сочиненія однихъ людей съ талантомъ; касательно ихъ только заблужденій Критика должна просвѣщать читателей, потому что ошибки Прадоновъ и Тредьяковскихъ всякому въ глаза кидаются.

Кюхельбекеръ.

бами изъ *Перепищиковъ* попадаютъ въ *Подъ-Геніи* и получаютъ право увѣрять въ *остротѣ и свѣжести* своихъ произведеній.

Не льзя достойно возблагодарить Г. В. за его статью! — боюсь одного только: въ немъ отражается *чья-то знаменитость* и потому можетъ быть, увы! похвала отъ меня — *неизвѣстнаго* — покажется ему хуже брани, также точно, какъ отъ иныхъ Критиковъ брань пріятнѣе похвалы; но за это никакъ не льзя сердиться, хотя и говоритъ *нашъ* Писатель:

„Скажи мнѣ почему предметы хороши?
Въ чемъ ихъ плѣнительность?" въ потребностяхъ души
Быть *раздражаемой*!

(См. въ Пол. Звѣзд. Ст. Г. Воейкова).

Одескъ.

Конецъ второй части.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ первой части:

Стр.	Ст.	Напечатано:	Читай:
11	с. н. 4.	порицающаю	порицающаго.
13	с. в. 3.	Компанія	Кампанія.
13	с. н. 7.	компаній	кампаній.
29	с. н. 9.	среди	средь.
34	— 12.	*ни видя*	*не видя.*
42	с. н. 3.	*Созія* Побѣда! побѣда! АРИСТОФАНЪ (*увидя прочихъ*) Ай, ай! Какая здѣсь бесѣда!	*Созія.* Побѣда! побѣда! _ Аристофанъ...(*увидя прочихъ*). Ай, ай! Какая здѣсь бесѣда!
48	с. в. 9.	шумомъ	шумокъ.
51	— 6.	пѣснопѣній	пѣснопѣній,
51	— 7.	Тебя!	Тебя ,
51	— 10.	чудесный	чудесной.
61	— 8.	скуку и единообразіе	скуки и единообразія
61	— 15.	тѣжъ	Тѣже
61	с. н. 4.	описаніе,	описаніе" —
——		говоритъ онъ,	говоритъ онъ —
62	— 9.	гесперіи	Гесперіи
67	с. в. 3.	въ стихотворцахъ, прозаикахъ	Стихотворцахъ - Прозаикахъ
69	— 11.	и не вижу	не вижу
71	— 17.	раковидной	раковинной
71	с. н. 6.	очеркъ	Начеркъ
78	с. в. 9, 10.	Обитель смерти и воскресенія: землю,— мѣсто суда и блаженство — небо.	Обитель смерти и воскресенія — землю; мѣсто суда и блаженства — небо.

Стр.	Ст.	Напечатано:	Читай.
72 с. в.	7.	Ван-дейкъ	Ван-дейка
73 —	2.	полетовъ	портретовъ.
73 с. н.	6.	здѣсь :	здѣсь
77 с. в.	2.	Урію	Уріи
77 с. н.	18.	повѣреннымъ орудіемъ	повѣреннымъ, орудіемъ.
78 с. в.	1.	къ чему-то	въ чемъ-то
78 —	10.	Италіанской	Италіянской
78 —	15.	временъ	времени.
79 с. н.	11.	Клод-Лоррена Дитриха,	Клод-Лорренна, Дитриха
92 с. в.	9.	во вторый вижу разъ	во вторый разъ вижу
99 с. н.	14.	Отца Свята	Отца Свѣта.
104 —	7.	занавѣсъ	занавѣсь
105 с. в.	13.	перспектива	перспективы
110 с. н.	7.	не о моихъ стихахъ	не о моихъ
112 с. в.	2, 5, 12, 24.	Ручей Улькушъ	Ручей Улькушь
112 —	10.	степи :	степи ,
113 —	7.	слово : *Егоко*	слово Егоко
— —	—	упоминаемое ;	упоминаемое :
115 —	14.	твоей;	твоей :
— —	19.	мирныя	лирныя
— —	21.	Улькуша	Улькуши
— —	23.	тихій	тихо
128 —	1.	дичъ	дичь
129 —	7.	Руской	Русской
137 с. н.	14.	сынове	сыны
166 —	6.	бремененною	беременною
171 с. в.	5.	въ досуга часъ	досуга въ часъ
173 —	13.	Омонскихъ	Омокскихъ
175 с. н.	7.	*послѣ :* отъ избытка сердца	на Русскомъ языкѣ
184 с. в.	7.	они	онъ

Во второй части:

Стр.		Ст.	Напечатано:	Читай:
22 с. н.		6.	Дя	Да
25	—	5.	Стоишь	Стоишь,
29	—	5.	послѣдняго	предпослѣдняго
30	—	5.	оные	оныя
32	—	7.	Законадатель въ глазахъ	законодатель
34	—	6.	Парки	Парни
36	—	9.	произведеніяхъ	произведеній
—	—	5.	любимую Елегію	любую Елегію
48	—	4.	гладитъ	глядитъ
61	—	1.	замѣчаннымъ	замѣченнымъ
—	—	—	Клонштокъ	Клопштокъ
69	—	8.	на зналъ	не зналъ
72	—	11.	пламенный, пророкъ!	пламенный пророкъ!
100 с. в.		9.	повергнула	повергнуло
—	—	1.	во всемъ даже въ бездѣлицахъ,	во всемъ, даже въ бездѣлицахъ,
101	—	12.	разогнутыми	разогнутыми,
104	—	3.	иоддѣлываться	поддѣлываться
107	—	3.	прозябающихъ, въ мрачной и	прозябающихъ въ мрачной
111	—	8.	Цѣлая шайка картежниковъ;	Цѣлая шайка картежниковъ,
120 с. н.		6.	съ кѣмъ	съ кѣмъ именно
160 с. в.		15.	не тоже ли равно	не тоже ли
164	—	12.	въ Литературныхъ Прибавленіяхъ	въ Новостяхъ Литературы

НѢЧТО ВЪ РОДѢ ОПЕЧАТКИ
или
ОТВѢТЪ ИЗДАТЕЛЮ ДАМСКАГО ЖУРНАЛА.

. . . Нѣтъ! всѣ твои издѣвки
Гораздо негодны для сельскія свирѣлки (*).

Какъ жить въ свѣтѣ — право не понимаю. Отъ искренняго сердца благодарилъ я Кн. Шаликова за похвалы Мнемозинѣ — а это его огорчило; обѣщалъ ему прислать *чувствительную* піесу для Дамскаго Журнала (см. Сынъ От. No 12), что етаго нѣжнѣе? — а ето его огорчило. Принявши на себя тонъ оскорбленной невинности, которая такъ къ лицу Дамскому Журналу, онъ грозно называетъ меня *любомудрымъ* — что етаго страшнѣе?

Полно-те Г. Издатель Дамскаго Журнала! За чѣмъ называть меня столь ненавистнымъ для васъ именемъ? За чѣмъ огорчаться? *Горесть разстроиваетъ сердца чувствительныя.* Возьмите въ руки книжку Revue Encyclopèdique, въ которой именно написано, что вы *даже* издаете Дамскій Журналъ (и только!); киньте нѣжный, отеческій взглядъ на собраніе своихъ сочи-

---

(*) Стихи изъ моей Трагедіи: *Розовыя фіялки*, изъ коей отрывки назначаются въ Дамскій Журналъ. Мои завистники (ибо они есть не у однаго Кн. Шаликова) увѣряющіе, что они узнаютъ сочинителя по духу, утверждаютъ, будто бы ети стихи сочиненія Г. Воейкова. Чего не выдумаетъ злоба?

ненїй — и утѣшьтесь! Что вамъ до завистниковъ?

Видите ли Г. Издатель Дамскаго Журнала — съ какою я рожденъ *нѣжною душею*: Вы на меня гнѣваетесь, а я васъ хвалю! Впрочемъ вы сами тому причиною; вы сами тому причиною, что на васъ уже не льзя сердиться, что предъ вами умолкаетъ и гнѣвъ, и Логика!

Какъ бы то ни было, мои прїятели чрезвычайно сожалѣютъ обо мнѣ: „за чѣмъ" говорятъ они „избралъ ты соперника столь страшнаго? за чѣмъ не нападаешь на тѣхъ, которые подобно трутнямъ ничего не производятъ, кромѣ Литературныхъ наростовъ; у которыхъ въ продолженїи цѣлаго полстолѣтїя ничего въ головѣ, кромѣ *фїалокъ* и *розъ* не вертѣлось, и которыхъ слава сплочена изъ насмѣшекъ, на ихъ же щетъ сказанныхъ?" — Какъ вы объ етомъ думаете Г. Издатель Дамскаго Журнала? — Впрочемъ честь имѣю быть и проч.

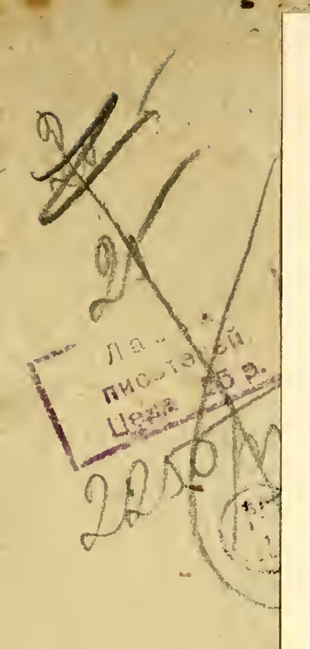
Одеск.

P. S. Почтенный Издатель Дамскаго Журнала спрашиваетъ у меня, какъ мнѣ угодно, чтобы онъ отвѣчалъ мнѣ? — Все по прежнему, Г. Издатель, все по прежнему! Только Бога ради не хвалите меня.

LUX
LIBERTAS

